

Более 1 000 000 проданных книг автора

ДИПАК
САНДЖИВ

ЧОПРА

УПРАВЛЯЙ СВОЕЙ СУДЬБОЙ

Наставник мировых знаменитостей об успехе и смысле жизни

Гордость человечества

Дипак Чопра

**Управляй своей судьбой.
Наставник мировых
знаменитостей об
успехе и смысле жизни**

«АСТ»

2013

Чопра Д.

Управляй своей судьбой. Наставник мировых знаменитостей об успехе и смысле жизни / Д. Чопра — «АСТ», 2013 — (Гордость человечества)

Один из известнейших мировых духовных лидеров Дипак Чопра рассказывает об истории своего успеха. Когда-то он был иммигрантом, одним из сотен тысяч «гастарбайтеров» – и ему удалось не просто «выбиться в люди». Он доказал: иммигрант – это не бич экономики, а человек, за которым стоит мощная духовная традиция, способная стать источником силы и обновления для всех, кто желает следовать своей судьбе.

Содержание

К читателю	7
1. Священная река	9
2. День слепоты	18
3. Магический круг	24
4. Сари-талисман	34
5. Потаенные чудеса	39
6. Рам и Лакшман	47
7. Laus Deo	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дипак Чопра, Санджив Чопра

Управляй своей судьбой.

Наставник мировых знаменитостей

об успехе и смысле жизни

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Книга опубликована при содействии автора и литературных агентств Deepak K. Chopra and Rita Chopra Family Trust and Sanjiv Chopra c/o Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

- © 2013 by Deepak Chopra and Sanjiv Chopra
- © Перевод на русский язык: Бродоцкая А., 2014
- © ООО «Издательство АСТ», 2014

Книга, которая вдохновляет на свершения! Блестяще написанная, она показывает два совершенно разных пути к мечте. Эта книга дает надежду на то, что все, о чем мечтает человек, может сбыться!

Ларри Кинг

Дипак и Санджив откровенно делятся с читателем своими надеждами и страхами, смешно и одновременно серьезно рассказывают о том, какие препятствия им пришлось преодолеть на пути к успеху.

Мелани Гриффит и Антонио Бандерас

Эта книга навевает на меня теплые воспоминания о моем путешествии в Америку, которое в конечном итоге превратилось в путешествие длиной в жизнь.

Хью Джекман

Дипак Чопра и Санджив Чопра написали невероятно интересную и умную книгу. Взгляды авторов на семейные традиции, профессиональную деятельность и общественную жизнь различаются – но тем не менее книга производит впечатление удивительной цельности.

Ричард Ф. Селеста, посол США в Индии (1997–2001)

Эта книга – о бесконечных возможностях Америки и о том, что дает человеку поддержка родных и вера в себя.

Booklist

Удивительная история о двух индийских братьях, один из которых стал успешным врачом и ученым, а другой блестяще соединил современную медицину и древнюю мудрость. Это потрясающая по силе воздействия история об американской мечте и силе человеческого духа.

Арианна Хаффингтон, президент и главный редактор The Huffington Post Media Group

Эта книга – не просто автобиография братьев Чопра, это история пяти поколений семьи Чопра, от бабушек и дедушек к внукам и правнукам. Праздники и скорби, радости и печали, жизненный опыт и твердая система ценностей – все, на чем держится любая крепкая семья. Эта книга – прекрасная иллюстрация к старой поговорке: «Детство – это судьба». Всем последователям и поклонникам Дипака Чопры нужно прочесть эту книгу обязательно!

Висенте Фокс Кесада, президент Мексики в 2000–2006 гг.

Невероятно богатый с мультикультурной точки зрения, глубокий и проникновенный рассказ об Индии и Америке. Дипак Чопра и его брат повествуют о медицине, исцелении, науке и вере. Эта книга – для всего современного мира, который стремится к глобализации, но в то же время старается сохранить свою уникальность и идентичность.

Уэсли К. Кларк, бывший верховнокомандующий ОВС НАТО в Европе

Книга, написанная честным, открытым и блестящим языком. Эта книга о братстве объясняет, почему наши руки и сердца должны оставаться открытыми. Мы должны быть готовы приветствовать всех, кто встречается на нашем пути. Каждая страница этой книги содержит драгоценную мудрость, которая отсылает читателя к незыблемым истинам, связывающим человечество воедино. Прочитайте эту книгу – и осознайте, как много значит мечта в нашем мире!

Уильям С. Коэн, министр обороны США в администрации президента Клинтона (1997–2001)

Этой книгой Дипак и Санджив элегантно предъявили «права на первородство» в чужой для них стране. Их увлекательное повествование дает читателю прекрасное представление о том, как влияют на человека древние традиции, как в одной душе могут сталкиваться неверие и вера, страх и уверенность, сила и слабость. Эту книгу можно было бы описать одной фразой: «Вы можете покинуть Индию, но она никогда не покинет вас!»

Жаклин Лундквист, бывшая «первая леди» посольства США в Индии

Дипак Чопра и его младший брат Санджив убедительно описали «путешествие своей жизни». Они отказались от преимуществ своей касты (их отец был состоятельным врачом) ради призрачных перспектив в неведомой стране. Это история о традиции, братском соперничестве и удивительных наградах, которые ожидают всякого человека, решившего взять управление судьбой в свои руки.

Посол Элизабет Фроли Бэгли, специальный представитель Госдепартамента США по глобальным партнерствам

Эта книга – не столько о том, как иммигранту ассимилироваться в Америке, сколько о столкновении культур. В ней есть все, что есть в жизни: грусть и веселье, опасения и самоирония, сомнения и надежды.

Publishers Weekly

К читателю

Двойные мемуары для нас – нехоженная тропа. Брать пример было не с кого. Когда два человека пишут вместе, то обычно добиваются, чтобы их голоса слились воедино. Почему же мы решили так не делать? Дипак вполне мог взять себя в руки и не командовать младшим братишкой (он обещал!). Да и Санджив в силах постоять за себя и мягко, но настойчиво оттереть брата в сторону, если возникнет опасность, что его выпихнут из гнезда.

Поэтому мы прибегли к новаторскому способу поведать историю своей жизни: дело в том, что нам самим так было интереснее, вот мы и надеемся, что читателю тоже понравится. Сначала одному из братьев дается полная свобода рассказать, что он помнит, например, о своем детстве в Джабалпуре и Шиллонге – изложить свою точку зрения, свои воспоминания, на свой собственный манер окрашенные ностальгией, фантазиями и подавленными чувствами. А затем вы увидите все то же самое глазами второго брата. Собственно факты при этом не меняются. Большой колониальный дом в Джабалпуре, где к нашему отцу тек неиссякаемый поток пациентов, а мама украдкой кормила самых бедных, существовал на самом деле. Однако факт – не более чем росток воспоминания. И мы решили, что лучше позволить каждому из братьев пожать то, что проросло из его рассады, разрешить прошлому развертываться у каждого по-своему. Между прочим, во время работы над книгой мы не заглядывали в чужие главы. Зато и споров, кто прав, а кто не очень, у нас не было.

Другая причина писать на два независимых голоса – мнение нашего издателя, который считал, что за историей братьев Чопра стоит целая эпоха иммиграции и американской мечты. Мы с братом решили покинуть Индию без гроша в кармане – если не считать интеллектуальной собственности в виде медицинских дипломов и запаса надежд и грез. В семидесятые годы лишь немногие американцы хоть что-то знали об индийской иммиграции, а тем более об «индийской диаспоре». Вообще-то у них и без нас было полно забот – в особенности война во Вьетнаме, из-за которой в стране стало остро не хватать врачей, и именно это обстоятельство открыло двум молодым иностранцам дорогу к медицинской практике в США. Общественное мнение в те годы, прямо скажем, состояло в том, что без иностранных врачей Америке не обойтись, однако им здесь не рады.

Да и Индия не хотела нас отпускать. Правительство запретило письменный экзамен, без которого Америка не выдавала врачам рабочих виз. Обменять на доллары перед поездкой разрешалось лишь сушие гроши. А коллеги сопротивлялись еще сильнее. Родина-мать Индия и ведет себя как мать, крепко держит своих чад и крайне неохотно их отпускает. Хотя мы были тогда очень молоды – и очень хотели доказать всему миру, чего мы стоим, – но все равно чувствовали, что те, кто провожал нас в аэропорту Дели, еле сдерживают слезы, причем не только папа с мамой. Решение оторваться от родины-матери делало нас и не индийцами, и не американцами. Мы избрали двойную судьбу.

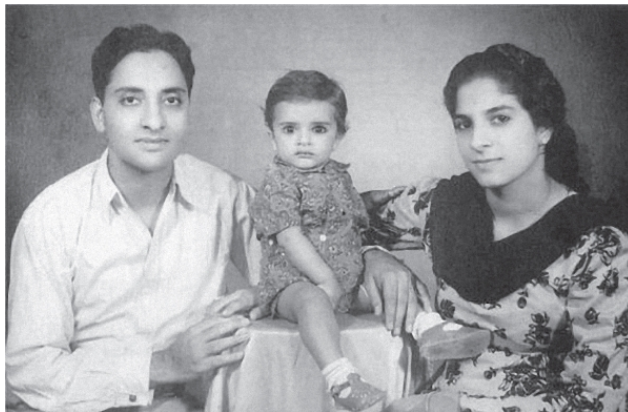
При рождении набор генов у однояйцовых близнецов совершенно одинаков, но к тому моменту, как братьям исполняется семьдесят, генетические профили у них становятся совсем разные. Сама ДНК, конечно, не меняется, однако ее активность все эти годы то усиливалась, то спадала – словно тумблер, который включали и выключали тысячи раз. То же самое произошло и с нами, только речь идет об общем наборе культурных генов. Как вы увидите, биографии у нас сложились совершенно по-разному. Дипак сыграл огромную роль в том, чтобы познакомить Запад с индийскими духовными учениями и аюрведической медицинской традицией. Санджив двинулся путем западной медицины и стал преподавателем Гарвардской медицинской школы. Откровенно говоря, временами мы диву даемся, как вообще умудряемся понимать друг друга – ведь мы живем в разных мирах. Вот в чем прелесть и боль подобной близости.

Сегодня люди двойной судьбы встречаются особенно часто. По последним данным Бюро переписи населения США, у 20 % американцев хотя бы кто-то из родителей появился на свет за рубежом. Сама текстура населения Америки стала иной – и вызывает смешанные чувства у обеих сторон. Вот почему братья Чопра решили, что имеет смысл писать двойные мемуары. Двойственность сопутствует нам вот уже сорок лет – и влечет за собой приобретения и утраты, недоразумения и ясность. Как всякие нормальные люди, мы тоже представляем себе, какой могла бы быть наша непрожитая жизнь. Но и та, которую мы прожили, кажется нам символической. Братские узы – понятие универсальное. Формируется личность, потом две личности находят орбиту, чтобы вращаться друг вокруг друга, потом общество вплетает их в коллективную ткань, которая меняется с каждым днем, с каждым часом. Мы хотели поделиться жизненным опытом с каждым из тех, кто выстраивает собственную личность в столь же запутанных и зачастую загадочных обстоятельствах.

*Дипак Чопра,
Санджив Чопра*

1. Священная река Дипак

«Здесь. Сейчас. Давай!»

Если бы жрец не выпалил эти самые слова, я бы по одному его жесту понял, что он велит мне взять у него палку, которую держит в руке. Пора. Я старший сын. Обязанность старшего сына – пробить дыру в отцовском черепе и высвободить душу, которой предстоит обрести следующую инкарнацию.

Об этом древнем ритуале я имел весьма смутное представление. Никогда не видел его своими глазами. И робко покосился на своего брата Санджива. Он – младший сын, его ход – следующий.

Какая жуть!

Однако свои мысли я удержал при себе. Всем заправлял жрец. Мы с Сандживом особой роли не играли: два иностранца, воспитанные по-западному и попавшиеся в капкан традиционных обрядов. Мы прилетели в Нью-Дели, едва получили известие о скоропостижной кончине отца.

Дым от горящих тел окутывал все неопишущим зловонием и пятнал небо. Наверное, запах был очень сильный, но в тот момент я его не воспринимал. Каждому костру отводился небольшой участок на особом погребальном берегу, откуда пепел потом сбрасывали в реку. Дрова для кремации отражали положение в обществе: бедным – дешевые, а дорогое душистое сандаловое дерево – тем, кто может себе позволить такую роскошь. Кроме того, тела состоятельных покойников перед сожжением осыпали оранжевыми бархатцами.

Жрец пристально глядел на меня, ждал, когда можно будет продолжать обряд; для него это была повседневная рутина. А у меня тем временем возникло странное чувство отрешенности. Столетия традиции твердили: «Не смейте нас забывать!», и я их слушался – и взял палку из рук жреца.

Я видел очертания отцовского тела в огне, прозрачном на полуденном солнце. Саван стогрел, останки больше походили на скелет, чем на человеческое тело. Почему-то меня не обуял ужас. словно я смотрел на происходящее со стороны и восхищался блестящей организацией похоронного дела. Огонь пылал очень жарко и быстро препроводил покойного в мир иной.

Всего тридцать шесть часов назад папа был жив. Засиделся у телевизора: смотрел – без особого, впрочем, энтузиазма, – как вступает в должность Джордж Буш-младший. Это было в 2001 году – первая инаугурация. В то утро папа, как обычно, совершил обход в Мулчандской больнице во главе вереницы молодых врачей, а перед сном, поцеловав маму и пожелав ей спокойной ночи, пожаловался, что ему как-то не по себе. Пожалуй, утром стоит показаться К. К. –

одному из тех самых молодых врачей, – так, на всякий случай. А теперь на месте человека, пышущего жизнелюбием, зияла пустота.

Что такое взрослый? Взрослый – это тот, кто понимает, как важно делать то, что ему не нравится. И я послушался жреца – вонзил заостренный конец палки в череп отца. Когда-то я читал книгу Майкла Крайтона о жизни врачей, которая начиналась с неаппетитной фразы: «Распилить человеческую голову ножовкой не так-то просто». А пробить в ней дыру очень легко – особенно если она вот-вот обратится в пепел.

Долго ли мне удастся сохранять подобную отрешенность?

Я передал палку Сандживу и даже сумел не отвести глаз и не поморщиться – несмотря на то, что только что проделал. Когда мы вместе, я кажусь молчуном. Однако в ту минуту оба мы торжественно молчали – и оба были в полном замешательстве.

Смерть кого хочешь приведет в замешательство. Оставшиеся в живых сталкиваются не только с глубокой печалью, но и с глубокой пустотой. Пустота рядом с сердцем – это место, которое потом заполнится болью. В буддизме считается, что пустота неизбежна – главное, как ты ее переживаешь. Я еще не знал, что переживу пустоту совсем не так, как надеялся.

Когда два брата исполнили свой священный долг, жрец буднично кивнул. Отпевание длилось несколько часов. Ноги у нас затекли, мы совершенно вымотались, перед глазами все плыло из-за смены часовых поясов.

В одиноких горах на западе Мексики живет индейское племя уичолей, которые ежедневно принимают пейотль – начиная еще с младенчества, буквально с молоком матери. Интересно, кажется ли им нормальным состояние непрерывной галлюцинации? В тот момент мы с Сандживом были словно два уичоля.

Довольно долго я не знал точной даты своего рождения. Сейчас-то я понимаю – какая разница? Ведь никто из нас, по сути дела, не присутствует при собственном рождении – в том смысле, что не осознает его и не помнит. Едва ли мы успеваем подготовиться к появлению на свет. Мозг новорожденного создает нервные связи со скоростью миллион в минуту. У ребенка есть несколько врожденных рефлексов – например, хватательный: малыш «цепляется за жизнь». Антилопа-гну или жираф, родившийся в африканской саванне, должны мгновенно научиться ходить – в ту же секунду, когда они падают из материнской утробы на гостеприимную землю, полную опасностей. Речь идет о жизни и смерти. Мать наскоро вылизывает своего отпрыска, чтобы заставить его подняться, а парад жизни идет себе неспешно своим чередом, только к концу процессии присоединяется несмышленный детеныш на шатких ножках. Человеческое дитя совсем другое. Это полуфабрикат, набросок, требующий прорисовки. Чтобы остаться в живых, новорожденному нужна неустанная забота.

Индийские семьи относятся к этой идее со всей серьезностью. Когда я в тот день – не то в апреле, не то в октябре, – открыл глаза, то увидел с полдюжины ближайших родственников: взволнованные сияющие тетушки, двоюродные сестры, повитуха и моя мама. И это была еще очень малочисленная компания, как оказалось впоследствии: долгие годы со мной в одной комнате постоянно находилось гораздо больше народу. Я был первым ребенком доктора Кришана Лала и Пушпы Чопра и родился в Нью-Дели по адресу Бабар-роуд, 17. Благодаря тому, что я родился в толпе, у меня никогда в жизни не было приступов экзистенциального одиночества. Мне очень приятно, что меня называли Дипак, поскольку это имя многих заставляет улыбнуться. «Дипак» значит «свет», а я родился во время Дивали, праздника огней. На улицах пускали фейерверки – и очень кстати, потому что они заглушали грохот выстрелов: это мой дедушка на крыше палил от радости из старой армейской винтовки. Город сверкал огоньками тысяч масляных ламп, символизирующих победу добра над злом. Назвать ребенка «Дипак» – повод улыбнуться.

Огорчало нас только одно: отца при этом не было. В 1946 году война еще не кончилась, и он отбыл на бирманский фронт и, скорее всего, находился там и в день моего рождения, хотя где точно – неизвестно. Он увидел новорожденного сына лишь через двадцать дней.

Однако родители изменили дату моего рождения в документах – не 22 октября, а 22 апреля, – не из-за политических неурядиц, страха или суеверия: это была формальность, необходимая, чтобы отправить меня в школу на год раньше. Передвинув день рождения на 22 апреля 1947 года, родители смогли отдать меня в первый класс, как только в очередной раз переехали. Признаться, я до сих пор не очень хорошо понимаю, как и зачем это сделали.

У индийцев в обычае оценивать каждый день – удачный он был или неудачный. Родиться в Дивали – бесспорно благое предзнаменование, тут никто не станет спорить, но особенно это благоприятно для врача, поскольку во время праздника чествуют Лакшми, богиню здоровья и процветания. (Слово «богиня» здесь способно сбить с толку. Я воспитан в вере в единого Бога. А все индийские боги и богини – лишь ипостаси единого Бога, для которого нет множественного числа.)

Каждое утро моя мать зажигала светильник и совершала ежедневную «пуджу» – домашний религиозный обряд, а мы с Сандживом всегда были рядом: главная прелесть обряда для нас состояла в том, что молитвы мама пела, а голос у нее был очень красивый.

В доме у нас всегда было много гостей и пациентов всех конфессий, и обо всем заботилась мама. Отцовской религией была медицина. Он был военный врач, а военным врачам тогда разрешалось по выходным заниматься частной практикой. Я с самого детства понимал, что мой папа – особенный врач. Современные кардиологи делают ЭКГ, чтобы разобраться, как ведет себя сердце пациента, а у моего отца сложилась репутация доктора, способного собрать ту же самую информацию при помощи одного лишь стетоскопа – по звуку биения сердца. Отец на слух определял время между сокращениями двух сердечных камер – предсердия и желудочка – с точностью до долей секунды. ЭКГ стали широко использовать только в сороковые, и отца обучил расшифровке кардиограмм один английский военный врач, получивший назначение в Индию. В воспоминаниях врача, практиковавшего в те времена, сказано, что тогда кардиология «сводилась к умению слушать при помощи стетоскопа», однако мой отец снимал показания с точностью, которую считали чем-то сверхъестественным.

Пока отец служил в Джабалпуре, мы жили в большом колониальном доме с широкой подъездной дорогой, обсаженной манго и гуавами. Пациенты съезжались к отцу со всей Индии, репутация Кришана Лала крепла. Мама обычно устраивалась на веранде с вязанием. Она следила, как именно прибыл пациент – пешком или на машине с водителем. Платы отец не брал ни с кого, но когда наш дом покидал бедный пациент, мама украдкой посылала к нему слугу Лакшмана Сингха, чтобы тот накормил его, а если у него совсем нет денег, купил билет домой. Когда я вспоминаю Лакшмана Сингха, у меня просто в голове не укладывается, что он попал в дом в составе маминого приданого. Тогда ему было четырнадцать лет. (Насколько мне известно, сейчас ему за восемьдесят, и он пережил и отца, и маму.)

Когда мне было десять и мы переезжали из гарнизона в Джабалпуре на следующее место назначения в Шиллонг, проводить отца на станции собралась довольно большая толпа: все старались прикоснуться к его ногам, плакали и смеялись. А я держал Санджива за руку и дивился такому бурному проявлению чувств, тому, что отъезд отца так глубоко огорчает так много народу.

Моя мама жила жизнью детей и работой мужа. Она поджидала его из больницы и подробно расспрашивала, с какими случаями он сегодня сталкивался. А ты исключил отек легких? Ты проверил, нет ли мерцательной аритмии? Мама стала заправским диагностом и даже предсказывала, как будет развиваться заболевание, и если больной не выздоравливал, качала головой со смесью скорби и самодовольства. Еще она молилась за больных и принимала самое горячее участие не только в диагностической работе, но и в личной жизни больных.

Отец, впрочем, тоже. Откуда мне было знать, что у подобной медицины нет будущего? В то время об иных подходах и не слышали.

* * *

На следующий день после кремации мы с Сандживом пришли к месту погребения и помогли просеять отцовский прах. Груды золы уже можно было осторожно ворошить, и если в ней попадались кусочки костей, бережно складывали их в мешочек. Атмосфера была уже не такой жуткой, как накануне. Галлюцинации развеялись. В небе густо клубился дым от следующих костров. У рыдающих женщин были разные лица, если только скорбь может быть многоликой. Тут жрец вдруг вытащил из золы обломок грудины с двумя ребрами. И почему-то очень обрадовался.

– О, ваш отец был просветленный! Смотрите, вот доказательство! – воскликнул он. С его точки зрения, обломок был похож на сидящую фигуру в самадхи – в глубокой медитации.

Мама страдала артритом, была прикована к инвалидной коляске и на церемонии не присутствовала. Самые близкие родственники не бывают на похоронах довольно часто, это вовсе не считается чем-то из ряда вон выходящим. У меня еще не было времени понять, какие чувства на меня надвигаются, но я чувствовал, как они пахнут, ощущал едкую горечь, которой не мог подобрать названия. Наверное, то, что в Индии смерть и похороны требуют такой кипучей деятельности – мудрый древний обычай, не позволяющий оцепенеть от потрясения. С тех пор, как я приехал, расплакался на моих глазах только один человек – повар Шанти, который встретил меня у порога, когда я подъехал к родительскому дому на Линк-роуд в округе Дефенс-Колони в Южном Дели. Этот район получил свое название – Оборонная Колония – поскольку там строили свои дома индийцы-ветераны Второй мировой войны, которым в награду за доблесть дали бесплатные участки.

Этот дом был построен на участке, который получил мой дед с материнской стороны; дом кирпичный, трехэтажный, одна его стена выложена речными камнями. Дед не покидал строительной площадки днем и ночью, сам придиричиво отбирал камни и говорил рабочим, как их укладывать. В то время таких фасадов ни у кого не было, это была необычная деталь. Клочок земли перед домом украшают несколько розовых кустов и ухоженная лужайка, но сказать, что это тихая гавань, нельзя. Линк-роуд – оживленная улица, и в доме негде укрыться от шума.

Увидев горе Шанти, я расплакался, когда мы обнялись. Но потом не припомню ничьих слез – ни своих, ни чужих. Кстати, и на кремации никто не рыдал. Женщины у нас в семье сильные. Мама была у себя в комнате – сидела и ждала. В последнее время она сильно сдала, и никто не ожидал, что она переживет отца. Надо было подумать, где она теперь будет жить. Мы понимали, что нам придется иметь дело с первыми признаками исподволь надвигающегося старческого слабоумия. Но в ту первую ночь никто об этом не думал. Мама была собранна и рассудительна. Я запомнил только одну ее фразу: «Твой отец наверху. Я просидела всю ночь рядом с ним».

Тело отца лежало на полу в спальне на третьем этаже. Оно было завернуто в саван, не закрывавший лицо. Я не увидел ни малейшего сходства с папой в этой маске с сероватой кожей. И сидел до рассвета, перебирая в памяти беспорядочные воспоминания. В детстве нас с братом очень любили, никаких неприятных картин в памяти не всплывало, а значит, и ничего выдающегося. Так называемые военные городки – гарнизоны, где мы жили. Мама, обедающая вместе с кухаркой: традиционную систему каст родители не признавали. Черeda безымянных больных, текущая в наши двери. Мой отец в молодости – такой красивый в форме, вся грудь в блестящих медалях. Хотя по натуре он был человек скромный, ему нравилось, что у себя дома он царь и бог.

Санджив прилетел из Бостона и оказался на Линк-Роуд раньше меня, но так вымотался в дороге, что его отправили в постель. Когда я утром спустился в кухню, он ждал меня. Мы не сказали друг другу никаких красивых слов; честно говоря, мы вообще почти не разговаривали. Скоро должны были приехать другие родственники – члены нашей большой семьи. Жена Санджива Амита прилетела с ним, а мы с моей женой Ритой договорились, что она прибудет позднее, после четырех дней траура, и поможет маме уладить отцовские дела и разобраться с документами.

На третий день мы с Сандживом поехали на машине на север, в Харидвар – туда было четыре-пять часов пути. Нам предстояло бросить в Ганг кусочки костей, оставшиеся после кремации. Снова верх одержали врожденные культурные ценности. Город Харидвар – один из семи главных священных городов в индуизме. Его название переводится «Господни врата»: именно там Ганг, текущий с Гималаев, минует пороги в Ришикеше, долине святых, и вытекает на равнину.

В городе царил священный хаос. Едва мы вышли из машины, как на нас налетел целый рой жрецов с назойливыми вопросами о нашей семье – как звали отца, деда и так далее. Вдоль реки стояли храмы, и бесчисленные толпы заходили в реку, чтобы совершить омовение. Вечером по воде пустили флотилию огоньков – словно мерцающее отражение звездного неба.

Когда жрецы сочли, что вопросов и ответов уже хватит, нас с Сандживом провели по узкому проулку, полному крошечных лавчонок и забитому паломниками и ревущими мотороллерами. В каком-то дворике жрец развернул длинный пергаментный свиток. Прежде чем развеять прах над Гангом, родные усопшего должны отметить – оставить свое послание в семейном свитке. Причем это делается не только в случае чьей-то смерти. Вот уже сотни лет сюда стекаются те, кто хочет запечатлеть важную веху в жизни – например, рождение ребенка или вступление в брак.

За дни траура по отцу я от усталости стал рассеянным. А теперь, при виде записей, оставленных моими предками, я вдруг сосредоточился. Мне бросилось в глаза, что последние несколько записей в нашем свитке – по-английски. Вот мой отец приехал развеять прах своего отца. Мой дед приезжал сюда сразу после Первой мировой «совершить омовение в небесных водах» с молодой женой. До этого записи велись на хинди и урду, и если связь поколений не прерывалась, восходили к первым пророкам риши, которым были дарованы веды – к тем, от кого пошла духовная родословная индийцев еще до того, как зародилась религия под названием индуизм.

Не то чтобы я сильно интересовался нашей генеалогией, но тут был почему-то тронут. И вписал послание собственным детям: «Вдыхайте запах предков». Этот момент я запомнил навсегда. А потом в отцовской комнате нашли сложенную записку с прощальными словами. Когда он ее написал и было ли у него предчувствие близкой смерти, мы не знаем. В записке говорилось, что хотя жил он очень счастливо, но возвращаться не собирается. Я невольно вспоминаю персидского поэта-мистика Руми: «Когда я умру, то воспарю с ангелами. А когда умру для ангелов, невозможно себе представить, кем я стану».

Однако этот миг ощущения полноты жизни тут же миновал. Если считать, что жизнь колеблется от моментов наивысшего экстаза до самых блеклых, у меня смена настроения произошла мгновенно, безо всякого перехода. Я пал духом и загрустил.

Мне хотелось поговорить с Сандживом о том, как он понимает судьбу. Хотелось услышать, что он скажет. Но дни шли, а я не решался к нему обратиться. Когда мы сравнивали наши представления о жизни, столь разные, то в вопросе о судьбе никогда не сходились. Я представитель нетрадиционной медицины, он – светило традиционной. Да, у братьев общие гены, общая семья, общая культура, которая вплетает их в свою многоцветную ткань. Об этом нам с Сандживом не нужно было и говорить. Однако даже близнецы, обладающие одинаковым набором генов, все же не клоны. А к семидесяти годам их генетические профили станут

совсем разными. Гены то включаются, то выключаются. Они прислушиваются к миру, подслушивают каждую мысль, желание, опасение, мечту. Так что близнецы отличаются друг от друга не меньше, чем все мы, хотя и связаны незримыми узами. Наделены ли чем-то подобным мы с Сандживом? Папа бросил нас на милость нашей мечты о потусторонней жизни. Сбылась ли его мечта – или он просто исчез?

Развевая прах, мы с братом вернулись на Линк-роуд после полуночи. Мешочек из-под отцовского праха был пуст и валялся на заднем сиденье. По дороге домой мы не признались друг другу, что у нас на сердце. Через четыре дня родственники разъехались. Приехала Рита, я ввел ее в курс дела – и так же быстро, как ступил во владения смерти, вернулся под калифорнийское солнышко. Однако, похоже, из владений смерти так просто не уедешь. Меня одолевал всепоглощающий мрак. Отца больше не было. От него ничего не осталось. Он отправился туда, куда когда-нибудь за ним последую и я.

Духовное пробуждение начинается в тот миг, когда понимаешь тот простой факт, что большинство людей всю жизнь стараются не думать, что Смерть подстерегает нас на каждом углу. Не сказал бы, что до Харидвара я сам остро это понимал, однако в детстве смерть меня буквально пробудила.

Мне было шесть лет. Родители уехали в Англию, чтобы отец завершил образование как кардиолог. Нас с Сандживом оставили в Бомбее у дедушки со стороны отца и двух дядьев. (Пока родители учились или ездили по делам либо когда нам надо было учиться в школе, мы с Сандживом часто жили у разных родственников. Дядюшки и тетушки были нам как вторые родители. Так уж в Индии повелось.)

В то время индийцы не так уж часто ездили в Лондон учиться медицине. Однако у моего отца был случай особый – он был лечащим врачом лорда Маунтбаттена, последнего вице-короля Индии. В 1947 году Маунтбаттен получил приказ в считанные месяцы сделать страну свободной. События развивались стремительно, и три века колониализма завершились в один миг – никто о них и не вспоминал. Последовало смутное время, но Маунтбаттен не забыл моего отца – и именно благодаря ему перед Кришаном открылась широкая дорога к медицинскому образованию. Однако этого было недостаточно, чтобы преодолеть глубоко въевшиеся предрассудки. Во время обходов в Британском армейском госпитале в Пуне отцу приходилось плестись в хвосте у белых врачей. Ночами он корпел над учебниками, чтобы быть готовым к любым каверзным вопросам главврача, но к нему все не обращались. Смотрели как на пустое место. Отец был словно молчаливым спутником-плебеем при процессии английских аристократов. Но вот однажды утром у постели больного другие молодые врачи оказались в тупике – трудно было поставить диагноз. Тогда главврач повторил вопрос, обращаясь к отцу – а тот знал ответ. И мгновенно заслужил уважение.

Какими бы утонченными и терпимыми ни были мои родители, никто никогда не сомневался, что между белыми и индийцами пролегла незримая грань. Большинство английских колониальных чиновников, получивших назначение в Индию, выросли в викторианские времена и стремились в колонии, чтобы либо избежать позора, либо разбогатеть. В те годы все состояние получал старший сын, средний шел в университет и становился священником, а младший или самый бестолковый становился военным. Индия была запасным выходом, шансом подняться по общественной лестнице выше, чем удалось бы дома. Чиновники на жалованье жили как раджи. Колониальные клубы были оплотом претенциозности – даже в Лондоне не было таких чопорных джентльменов. Англичане рвались самих себя переангличанить.

Когда мои родители стали взрослыми, эта жесткая иерархия немного пошатнулась, однако презрение и безразличие к индийской культуре никуда не делись. Неудивительно – так всегда и бывает, когда завоевываешь чужой народ и он тебе нужен только для грабежа и наживы. С меркантильной точки зрения, Индия была жемчужиной в британской короне. Осо-

бой военной необходимости ее оккупировать не было – только возможность несказанно обогатиться.

Семейство Чопра старалось держаться поближе к англичанам, потому что другой общественной лестницы у них не было. Мой прадед был вождем племени, жившего в бесплодной пустыне в Северо-западных территориях, и за отказ выступить на стороне британской армии его расстреляли, привязав к пушечному стволу. Такова семейная легенда. Его убили, но его сын, мой дед, согласился стать сержантом в британской армии, так как это гарантировало ему пенсию. Связь с белыми колонизаторами стала у нас второй натурой. Англия была еще одной страной, где повседневная жизнь строилась вокруг чая, чатни и кеджери. И в Англии, и в Индии все замирали, когда по радио передавали результаты крикетных матчей, и ставили крикетных звезд чуть ли не выше богов.

И все же когда мой отец был готов отправиться в путь, мать, которая должна была последовать за ним только некоторое время спустя, заставила его дать одно обещание. Как только отец высадится в Саутгемптоне, он должен почистить свои ботинки у чистильщика-англичанина. Отец так и сделал и потом рассказывал, как было приятно сидеть на высоком кресле и смотреть, как перед ним склоняется белый человек. Об этом эпизоде отец в грядущие годы вспоминал без гордости, но и без сожалений. Англичане считали, что империя правит Индией мягко и благосклонно (даже рабство в какой-то момент запретили), однако угнетенному народу казалось, что с их душевных ран каждый день с кровью сдирают повязки.

Отец отправился в Эдинбург держать экзамены на медицинскую лицензию – считалось, что в Лондоне их сдавать рискованно, там якобы задавали более сложные вопросы, – а когда в Бомбей пришла весть, что он все сдал, дед был на седьмом небе от счастья. Как и в день моего рождения, он забрался на крышу нашего дома с винтовкой и несколько раз выстрелил в воздух. А потом повел нас с Сандживом в кино на «Али-бабу и сорок разбойников» – мы были в восторге. Мало того, дед так ликовал, что повел нас еще и на ярмарку и закормил сладостями.

Среди ночи я проснулся от горького женского плача. Прибежали служанки, подхватили нас на руки. Нас безо всяких объяснений отправили к доброй соседке. Потом мы узнали, что дедушка умер во сне. В шесть лет у меня еще не было сложившегося представления о смерти. В голове от растерянности вертелась одна мысль: «Где же он? Пусть мне скажут!» Сандживу было три, и у него на смерть деда была реакция в виде загадочной кожной болезни. Его положили в больницу, но диагноза поставить так и не смогли. Однако один врач выдал объяснение, которое мне и по сей день кажется верным:

– Ему страшно. Кожа нас защищает, а он чувствует себя беззащитным, поэтому она шелушится и облезает.

Этот доктор сказал, что Санджив поправится, едва приедут родители, – и так и произошло.

Назавтра мы услышали, что дедушку кремировали. Двух малышек на церемонию не взяли, но один из моих дядьев там был и вернулся с горькой усмешкой. Он был журналист – и я перед ним благоговел. Дядя не знал, что я его слышу, и выпалил:

– Бау-джи еще вчера веселился с мальчишками, и что он теперь? Горстка золы в глиняном горшке!

Я всегда с осторожностью говорю о судьбоносных моментах. Уж слишком много вихрится кругом всего того, что влияет на нас, и многие тайные мысли и забытые случаи просачиваются изнутри, из подсознания. Специалисты, изучающие память, говорят, что самые яркие воспоминания детства зачастую обманчивы: на самом деле это сплав множества похожих событий. Травмы тоже сливаются воедино. Все Рождества превратились в один счастливый день. Однако дядины слова, похоже, вполне могли определить мой путь. Однако, даже если так, они много лет таились в подсознании – пока смерть ходила за мной по пятам, а я запрещал себе оборачиваться через плечо.

В заключение рассказа об этом случае я не могу не упомянуть о том, что старики, по всей видимости, сами назначают себе время смерти – некоторые исследования это подтверждают. Они ждут знаменательной даты, дня рождения или, скажем, Рождества. После крупных праздников смертность среди престарелых заметно возрастает. Я получил трогательное подтверждение этому задолго до того, как подобные факты привлекли внимание статистиков. В больницу прибыла пожилая пара. Муж был на пороге смерти – кажется, на последней стадии рака. Состояние жены было куда лучше – уж точно не тяжелое. Однако она быстро сдавала, а он держался, как ни наступала болезнь. Я был тогда молодым врачом и должен был ежедневно их осматривать, и вот однажды утром, к своему ужасу, узнал, что жена умерла во сне. Я сообщил горестную весть ее мужу – и увидел, что он, как ни странно, вздохнул с облегчением.

– Ну, теперь и мне можно уходить, – сказал он.

Я спросил, что он имеет в виду.

– Джентльмен всегда пропускает даму первой, – ответил он. И скончался через несколько часов.

* * *

Ну вот, теперь я взял разгон и могу рассказать свою историю – и именно здесь она пересекается с историей Санджива. В глубине души мне кажется, что мы затеяли что-то странное, хотя я давно зарабатываю на жизнь словами. Когда ты знаменит, у этого есть обратная сторона – впрочем, она и лицевая, это как посмотреть: всем кажется, будто они тебя уже знают. Я долго мирился с этим заблуждением. Как-то раз я, например, приехал с лекцией в больницу в Калгари и увидел там кучку монахинь с лозунгом: «ДИПАК ЧОПРА – ИНДУИСТСКИЙ САТАНА». В Интернете всякий может почитать блоги ученых скептиков, где меня клеймят как «Императора Ву-Ву» (не знаю, что это такое, но звучит, по-моему, мило, как в стихах детского поэта доктора Сьюза).

А кто-то взирает на меня благосклонно, с улыбкой называет меня гуру (в жизни сам о себе так не подумаю – и не потому, что это слово отдает западным шарлатанством, а потому что в Индии это почетный титул). Однако никто никогда не спрашивал меня прямо, кто я такой. Индеец по рождению, американец по своей воле. Один из великой послевоенной диаспоры, разбросавшей жителей Южной Азии по всему свету от Африки до Карибского моря. Врач, выпускник Всеиндийского института медицинских наук – спасибо щедрости Рокфеллера и череде американских профессоров, приехавших к нам в качестве временных преподавателей. Мои чемоданы, как у всех, покрыты наклейками со всех остановок, которые я делал в жизни с момента рождения. Хотите знать, кто я такой? Посмотрите на наклейки.

Рассказывать историю своей жизни – все равно что перебирать наклейки. Может быть просто ответом неутолимого тщеславия автора на праздное любопытство публики. Я решил, что моя история принесет читателю пользу только в том случае, если мы поделимся чем-то затаенным, очень дорогим для нас обоих. Не любовью к родным, не страстью к любимому делу, не мечтой всей жизни, даже не духовным путем.

Для нас обоих очень дорог проект создания собственной личности. Словно коралловый риф, который начинается с мелких скоплений микроскопических организмов, плавающих по морю, а потом они постепенно слипаются и в конце концов воздвигают громадное сооружение, мы с вами создавали собственную личность с тех самых пор, когда слово «Я» обрело для нас хоть какой-то смысл. Наш риф получился клейким, как все рифы. К нему может прилипнуть любое мимолетное переживание. У этого сооружения нет планов и чертежей, и у многих людей личность строится случайно. Они вспоминают пройденный путь – и обнаруживают, что сами себя не узнают: из зеркала на них смотрит незнакомый самодур. Он подчиняет повседневную

жизнь своим капризам – его постоянно качает от «Мне это нравится, дайте еще» до «Мне это не нравится, уберите».

Целые человеческие жизни строятся на прихотях «Я, мне, мое», и тем не менее уклониться от обязанности строить собственную личность и держаться за нее невозможно. Иначе вас, чего доброго, смоеет в открытое море. Я бы не придавал Индии такого значения, если бы она не внушила мне стойкое чувство, что личность строится по одной парадоксальной причине, которая одновременно и мудрая, и неприемлемая, и восхитительная, и горькая. Личность строят, чтобы потом отрешиться от нее. Как-то один великий философ заметил, что философия – словно лестница, с помощью которой забираешься на крышу, а потом пинком валишь ее на землю. Вот и с личностью точно так же. Это лодочка, в которой плывешь, пока она не уткнется в берег вечности.

Только зачем же отбрасывать лестницу? Мы ведь гордимся своим «Я, мне, мое». Да, но ведь та же личность – источник самых глубоких наших страданий. Гневу и страху привольно в нашем сознании. Бытие превращается из чистой радости в страшную муку – в мгновение ока, без предупреждения. Когда жизнь кажется темницей, нет большего соблазна, чем индийское учение о том, что жизнь есть игра («Лила»). Я рассказываю свою историю, чтобы показать, что если хочешь достичь состояния чистой игры, которая приносит с собой свободу, радость и творчество, нужно отрешиться от иллюзий, которые выдают себя за реальность. Первая иллюзия – что ты уже свободен. По сути дела, личность, которую ты столько лет выстраивал, сама по себе темница, – ведь и микроскопические организмы, которые строят риф, оказываются в ловушке его жесткого скелета.

У Санджива собственный мир и собственный голос. Я узнаю, насколько он со мной согласен или не согласен, только когда прочитаю его главы. Предчувствую, что он не согласится с моими выводами в сфере духовности. Современным индийцам хочется поскорее разорвать узы древних традиций, отойти от культурных ограничений. Для задушенных запретами индийцев Америка оказалась таким же спасением, как когда-то Индия – для задушенных запретами англичан. Вместо слов «задушенных запретами» можно подставить слова «честолюбивых», «непоседливых», «чужих среди своих». Когда я говорю слушателям, что они на самом деле дети Вселенной, то часто слышу аплодисменты. Так вот, эти слова не совсем согласуются с научным мировоззрением Санджива.

Мы не узнаем, что такое выбраться из темницы личности, пока не изучим, как мы ее выстроили. Я спрашивал у многих духовных учителей, что такое просветление, и один из лучших ответов – и уж точно самый лаконичный, – что просветление – это когда меняешь маленькое эго на эго космическое. Высшее «Я» есть в каждом и только и ждет, когда можно будет проявиться. Что ему мешает, видно и в моей биографии, как и в биографии практически каждого из нас. Надо обрушить стены – тем более что мы сами их воздвигли. Я питаю глубокое уважение к буддистам, которые говорят, что альтернативы пустоте нет. Однако в Индии есть и другое течение, зародившееся за много столетий до Будды, которое придерживается противоположной точки зрения: жизнь есть бесконечная полнота, надо только пробудиться к реальности и отбросить завесу иллюзий.

2. День слепоты Санджив

Меня зовут Санджив Чопра, я родился в сентябре 1949 года в Индии, в городе Пуна. Это было примерно через год после того, как Индия обрела независимость от Великобритании. Мир залечивал раны после Второй мировой войны, и настало время великих перемен. Я второй ребенок доктора Кришана и Пушпы Чопра и младший брат Дипака Чопры. Наш отец был прославленный врач и хотел обеспечить нам блестящее образование. Он никогда не уговаривал ни меня, ни Дипака пойти в медицину. Но когда мне было двенадцать лет, произошел невероятный случай, который и определил мою профессиональную судьбу.

В то время мы с Дипаком жили у тети с дядей и ходили в Школу Св. Колумбы в Дели. Наши родители были более чем в трехстах милях от нас, в Джамму. Они настаивали, чтобы среднее образование мы получили в этой превосходной школе, которой управляли члены конгрегации братьев-христиан из Ирландии.

Однажды субботним днем я задремал над книгой. А когда проснулся – и часа не прошло, – то обнаружил, что ослеп. Открыл глаза – а кругом все совершенно черное. Я долго моргал, но зрение не возвращалось. Мне было двенадцать лет, и я был абсолютно слеп.

Дипак был рядом, читал. Я пихнул его в бок:

– Дипак, я ничего не вижу!

Он помахал рукой у меня перед глазами, а когда я не отреагировал, разрыдался. Помню, как он звал на помощь тетю с дядей:

– У меня только один брат, и тот слепой!

Мой дядя Раттан-чача мигом доставил меня в военный госпиталь. Тамошние светила, среди которых был известный окулист, осмотрели меня и не смогли определить, в чем причина моей слепоты. Они заподозрили, что слепота у меня истерическая, но нам с братом показалось, что это полная ерунда. С чего у меня на ровном месте может начаться истерия? Я был способным учеником, талантливым спортсменом и счастливым ребенком.

Врачи разыскали отца, который был на учениях и инспектировал сельскую больницу. Отец спокойно выслушал их, а затем стал подробно расспрашивать – выяснял анамнез, то есть подробную медицинскую историю.

– Пожалуйста, расскажите все, что было с Сандживом за последний месяц. Он ничем не болел? Хорошо себя чувствовал? Может быть, у него были какие-то травмы?

Врачи передали эти вопросы нам с братом. Я ответил:

– Ну, была небольшая колотая рана на бедре, я наткнулся на колышек от крикетных ворот.

– Чем его лечили? – спросил отец. – Швы накладывали? Антибиотики давали? А прививку от столбняка делали?

Врачи посмотрели в медкарту и сказали, что да, мне накладывали швы, давали антибиотики и сделали прививку от столбняка.

– А какую прививку – сыворотку или анатоксин?

Сыворотку, был ответ.

После паузы отец сказал:

– У Санджива редкая идиосинкратическая реакция на противостолбнячную сыворотку – ретробульбарный неврит. Поражены нервы за обоими глазными яблоками. Немедленно начните большие дозы кортикостероидов внутривенно.

Врачи последовали его указаниям, и через несколько часов зрение вернулось. Перепугался я страшно. Если бы отец ошибся с диагнозом, я бы остался слепым на всю жизнь.

Хотя я был еще совсем ребенок, но диагностический талант отца произвел на меня сильнейшее впечатление. Все остальные врачи, даже специалисты, оказались в тупике, а он, кардиолог, практически сразу вычислил редкую реакцию и назначил правильное лечение. Такое не забывается. До этого случая я и не думал, что пойду по стопам отца и стану врачом, однако впечатление было невероятно глубокое. И с тех пор я не знал ни тени сомнений: я стану врачом. Мне хотелось помогать людям. Хотя это решение я принял совсем юным, но ни разу о нем не пожалел.

Отец был весьма уважаемым доктором, поэтому положение моей семьи во многом было особым. Каждые три года мы переезжали, колесили по всей стране, потому что папа получал назначение в очередной военной госпиталь, но мы были люди состоятельные и всегда жили в хороших домах с многочисленными слугами, и мы с Дипаком ходили в самые лучшие школы. Мы жили и в Бомбее, и в Джабалпуре, и в Шиллонге, и в Дели. Постоянно ездили по всей Индии и в паломничества, и просто как туристы. Индия моего детства была разнородна и многоцветна – она никак не могла свыкнуться с новообретенной независимостью в послевоенном мире. С одной стороны, это была страна, где по улицам привольно бродили коровы, к которым относились чуть ли не лучше, чем к людям, с другой – за высокими стенами роскошных особняков жили зачарованной жизнью богачи. Из детства я помню в основном звуки, запахи, мешанину цветов и повседневные события.

Мы выросли в окружении бесконечной какофонии улиц: автобусы, грузовики, легковушки, велосипеды, телеги, рикши – а где-то в отдалении грохочут поезда. Чего мы почти не слышали, так это тишины: где бы мы ни жили, мир мчался мимо прямо под окном. Помню, как рано-рано по утрам меня будили заунывные крики муэдзинов с мечетей, усиленные мегафонами, или гомон уличных торговцев, которые расхваливали свой товар: «Алу лело, кела лело! Купите картошку, купите бананы!» Песенки разносчиков стали фоновой музыкой нашей жизни. И, как ни странно, еще я отчетливо помню незнамо как пробившиеся сквозь постоянный гвалт прекрасные песни птиц с утра до вечера и стрекот цикад по ночам.

Я и сейчас постоянно в разъездах, но поскольку мир уменьшился, легкоразличимые запахи разных общественных слоев стали теперь далеко не такими отчетливыми. Похоже, теперь и вправду на каждом углу «Макдоналдс», даже в Индии, только там продают вегетарианские бургеры. А когда-то по одному запаху легко можно было определить, где ты. Пряные, пикантные ароматы Индии и по сей день живы в моей памяти. Свежее благоухание дождя, падающего на растрескавшуюся сухую землю, для меня – запах самой жизни. Когда мы ездили

на поезде, на каждой остановке по вагонам проходили разносчики с индийскими кушаньями – жареными овощами пакора, лепешками самоса, сладкой помадкой барфи. Вагон наполняли аппетитные ароматы. А самый памятный запах детства – это, конечно, горячий чай, который подавали в глиняных чайниках. Стоит повеять этому аромату, и я снова в Индии.

Признаться, не все ароматы приятны. Свой запах есть и у нищеты – и его мы тоже прекрасно знали.

Окружавшая нас нищета так прочно вошла в нашу жизнь, что мы относились к ней как к должному. Едва замечали ее. Когда я спрашивал у родителей, как так получается, что люди живут и умирают прямо на улице, кормятся подаванием и одеваются в лохмотья, в ответ мне объясняли, что такое карма. Карма – очень важный аспект индийской культуры, часть индуистской и буддийской философии; в сущности, карма – это жизненный путь человека, который определяется его поступками в прошлых жизнях. Индусы верят, что у души много жизней и что после каждой смерти она воплощается в новом облике. Поступки в одной жизни определяют положение в следующей. Если в этой жизни я буду хорошим человеком, то в следующей буду за это вознагражден, если я буду злодеем, то заплачу за это в следующей жизни. Вера в карму – одна из причин, почему индийские бедняки не слишком завидуют богатым: они убеждены, что нищета послана им судьбой, и искренне верят, что искупают былые грехи. Но родители говорили мне, что карма – не обязательно судьба, что если как следует потрудиться, можно изменить предначертанное.

Вера в переселение душ издавна распространена среди большинства индийцев. По правде говоря, у нас в семье произошел поразительный случай реинкарнации. У моей мамы был брат по имени Шукра – на четыре года ее старше; он еще не умел ни читать, ни писать, а уже цитировал наизусть длинные отрывки из священного писания индуистов – «Бхагавад-Гиты». Когда родилась моя мать, родители назвали ее Сушинта. Брату имя не понравилось. Он сказал родителям, что в имени «Сушинта» содержится слово «шинта», что на хинди значит «беспокойство», и поэтому у имени нехорошее значение.

– Как же нам ее назвать? – спросили они.

– Пушпа, – ответил он. Это значит «Прекрасный цветок».

Так и вышло, что нашу маму всю жизнь знали под этим именем.

Когда мальчику было четыре с половиной, он отчитал своего отца за то, что тот убил голубя из дробовика.

– Что плохого сделала тебе эта невинная птица? – спросил он. – Теперь тебе воздастся за содеянное зло. – Это из уст четырехлетнего ребенка!

Об этом мальчике в семье рассказывали легенды. Самая старшая мамина сестра Бари Бахенджи говорила, что за едой он иногда вдруг замирал, вскакивал из-за стола и бежал к воротам встретить странствующего монаха – он каким-то образом чувствовал его приближение. Потом приглашал монаха в дом и просил служанку накормить его обедом.

Незадолго до того дня, когда ему должно было исполниться пять, мой дядя пришел к Бари Бахенджи и попросил у нее шестнадцать рупий – тогда это равнялось примерно двум долларам.

– Зачем тебе столько денег? – спросила сестра.

Очень нужно, ответил мальчик: надо выплатить долг Даулату – старому слуге семьи, чье имя, по странному совпадению, означает «богатство». Малыш объяснил, что этот долг тянется за ним с прошлой жизни. И приставал к Бари Бахенджи, пока та не сдалась. Даулат ни за что не хотел брать деньги, но бабушка с дедушкой уговорили его. Через несколько дней Шукра сказал Бари Бахенджи, что хочет спать на полу. В Индии о подобном часто просят взрослые, когда чувствуют, что скоро умрут, и хотят ощутить связь с землей. Бари Бахенджи испугалась, расстроилась и отказалась стелить ему на полу. Уложила его в кроватку, как обычно, заботливо укрыла и спела колыбельную.

Наутро домашние обнаружили безжизненное тело Шукры на полу. Мой дядя точно предсказал собственную смерть и хотел успеть выплатить слуге Даулату долг из прошлой жизни. По-моему, трудно не верить в реинкарнацию, когда такое случилось в твоей собственной семье.

Подобные истории в Индии не редкость. Основатель и ректор Бенаресского индуистского университета пандит Мадан Мохан Малавия был человеком весьма ученым. Он посвятил университету всю свою жизнь. На смертном одре он попросил:

– Отнесите меня за окраину Бенареса.

– Пандит Джи, – удивленно ответили ему, – вы всю жизнь отдали Бенаресу. А теперь собираетесь уйти от нас и отправиться на небеса. Почему вы требуете, чтобы мы вынесли вас за пределы Бенареса?

Дело в том, что в индуизме распространено представление, что если умрешь в Бенаресе, то достигнешь состояния мокша, то есть завершишь цикл рождения, жизни, смерти и перерождения.

– Мои земные труды не завершены, – ответил Пандит Джи. – Я не желаю достигать мокши. Мне надо вернуться и закончить дела.

Индия издавна была страной, жители которой, даже самые образованные, светские и богатые, склонны к некоторому мистицизму, понимают, что некоторые жизненные события не так-то просто объяснить рациональными причинами. Например, несколько лет назад мне рассказали, что статуи Ганеши, индуистского бога-слона, сметающего все препятствия, пьют молоко. Верующие поливают статуи молоком и ставят по вечерам у подножия мисочки с молоком в виде подношения. К утру молоко исчезает. Я думал, это чепуха, однако многие образованные люди в это верят. Вот и на самом деле оказалось, что молоко пропадает по вполне физическим причинам: статуи Ганеши делают из материала, который впитывает жидкости, в том числе и молоко.

К сожалению, многие подносили божеству молоко, которое отнимали у собственных детей. Я спросил маму, верит ли она, что статуи пьют молоко. И моя мать – образованная, интеллигентная женщина, – ответила, что да. Тогда я спросил кое-кого из родни – и несколько человек ответили мне, что такое происходило в храмах, куда они ходят. Они сами это видели! Мы выросли на этой традиции. Жизнь сложнее, чем кажется на первый взгляд.

В Индии моего детства нас окружало множество разных религий и философий, и мы обязаны были уважать их все. Мы сами были индуисты, но дружили и с мусульманами, и с парсами, а в школу ходили с христианами и евреями. Лично мне больше всего нравилось, что во все праздники в школе нет занятий. Мы отдыхали и во время индуистского праздника огней Дивали, и в Пасху, и в Курбан-байрам. Когда в 1958 году умер Папа Пий XII, мы жили в Джабалпуре и ходили в школу Св. Алоизия, где учились с детского сада до двенадцатого класса. Школу закрыли на три дня. Мне было девять, и все эти три дня у нас гостил наш шестилетний приятель. Мы с утра до вечера веселились, носились, играли в крикет. Это были прекрасные коротенькие каникулы, и обратно в школу нам ни капельки не хотелось. Вечером накануне того дня, когда занятия возобновились, мы лежали в темноте, и вдруг наш маленький приятель подал голос:

– Санджив, можно тебя спросить?

– Конечно.

– А может такое быть, что новый папа умрет прямо завтра?

Нас воспитывали как индуистов, а индуизм – это не только религия, но еще и культура и образ жизни. В отличие от главных западных религий, наши богослужения проходят в вольной форме, нам не надо никуда идти в определенное время, чтобы принять участие в конкретной церемонии. В храмы мы ходим, когда хотим. Не существует даже общепринятого определения индуиста или идеи о том, что же такое индуизм – религия, культура, философия или жизненный уклад. Председатель Верховного суда Индии однажды сказал: «В отличие от про-

чих религий у индуизма нет никаких пророков, он не почитает никаких богов, не придерживается никаких догматов, не верит ни в какие философские концепции, не отправляет никаких религиозных обрядов и ритуалов, – в общем, не вписывается в строгие традиции, в отличие от любой другой религии или веры. В целом можно сказать, что индуизм – это образ жизни и больше ничего».

А в нашей семье были богатые традиции, нам с самого раннего детства рассказывали мифы, населенные сотнями богов и воинов, и нравоучительные истории. Во время летних каникул мама читала и даже пела строфы из двух главных писаний – «Бхагавад-Гиты» и «Рамаяны», иногда подыгрывая себе на фисгармонии. По сути дела, многие из этих историй были настоящие триллеры, и когда мама их читала или пела, мы так и видели битвы и колесницы, богов и полубогов, прелестных героинь и отважных героев. Обычно чтение прерывалось на самом интересном месте: например, повелитель ракшасов похитил Ситу, и целое войско отправляется ее спасать. Мы с Дипаком просили маму истолковать то, что она прочитала, и объяснить, как это относится к нашей жизни. А еще мы, как и все грамотные юные индийцы, читали комиксы, где пересказывались эти истории эпических битв, богов и чудовищ – все эти мифы и легенды. Наша мифология была для нас и популярным развлечением. Подобных комиксов выпускали сотни, их читали все дети. Мы читали о Будде, о Раване-повелителе ракшасов, о Брахме, Вишну, Шиве и Кришне. Мы читали «Бхагавад-Гиту». Мы читали «Махабхарату» – эпическое сказание об Индии и Ганеше, том самом боге-слоне, который сметает все препятствия. Параллельно мы читали все подряд от комиксов про Супермена и Арчи Эндрюса до трудов Ганди и романов Толстого.

Индия – страна, где повседневная реальность и влияние мистических сил прекрасно сосуществуют: считается, что и то и другое – в равной степени правда. Кроме кармы, многие индийцы верят еще и в концепцию дхармы. В индуизме и буддизме дхарма понимается по-разному, но в целом это означает с радостью и бодростью духа выполнять свой морально-этический долг. Всегда делать, что нужно.

В одной деревне у подножия Гималаев жила семья, которая отказалась делать прививку от оспы. Индийское правительство и Всемирная организация здравоохранения успешно провели всеобщую вакцинацию, однако глава семьи господин Лакшман Сингх упорно отказывался прививать своих родных. Индийское правительство решило, что Сингхов нужно защитить от этой страшной болезни в интересах страны, и направило к ним бригаду медиков в сопровождении полицейских.

– Почему вы не хотите прививаться? – спросили Лакшмана Сингха.

– Кому болеть, а кому нет, решает Господь, – ответил тот. – Не хочу делать этот укол. Если мне суждено заболеть оспой, значит, заболею.

Тогда полицейские скрутили его и силой повалили на землю. Сингх кричал и отбивался, но ему все-таки сделали прививку, а потом вакцинировали всех его домашних. И вот после всего этого Лакшман Сингх преспокойно сказал:

– А теперь прошу вас в дом.

Отправился в огород, набрал овощей, вымыл, почистил и поставил перед врачами, а его жена заварила свежий чай.

– Что вы делаете? – удивился кто-то из врачей. – Мы нагрянули к вам в дом, надругались над вашей верой, а вы принимаете нас как гостей. Почему?

– Я считаю, что моя дхарма – не делать прививок, потому что Господь решает, кому болеть, а кому нет. А вы, очевидно, считаете, что ваша дхарма – меня привить. Теперь все позади, и вы гости в моем доме. Это самое меньшее, что я могу вам предложить.

Я не смог найти лучше иллюстрации понятия «дхарма», чем эта история. Для меня в слове «дхарма» содержится и долг, и вера, и мораль. В детстве я, конечно, и не подозревал, что дхарма заведет меня в Америку, в Гарвардскую медицинскую школу, однако я следовал по

тропе, которая передо мной расстилалась. Корни моей семьи в индийской почве уходят вглубь на века, и я, признаться, не планировал укорениться заново в другой части света. Однако когда я поступал сообразно своей дхарме, это принесло мне почет и уважение в профессиональном кругу и в жизни. В результате я принимаю обе традиции – и западную, и восточную. Я говорю на американском сленге с индийским акцентом. Я посвятил свою жизнь медицине, опираясь на научные инструменты – эксперимент, открытие, проверку, воспроизводимые результаты, – однако то, что я вырос в своей культуре, позволяет мне видеть и другие варианты, которые не всегда можно научно доказать и не всегда легко понять. Для меня большая честь ежегодно выступать с лекциями перед пятьюдесятью тысячами профессионалов-медиков в США и во всем мире, и каждый раз, когда я читаю лекцию, я чувствую, что следую дхарме.

Когда мои родители впервые отправились из Бомбея в Лондон, на это у них ушло примерно три недели на океанском лайнере. А сегодня я могу сесть в Бостоне на самолет и прилететь в любую точку Индии меньше чем за день. А там, на улицах Бомбея, который теперь называется Мумбаи, я вижу все те же сетевые магазины и рестораны, мимо которых совсем недавно проезжал в Бостоне. Когда мы росли, у нас не было телевизора, но сегодня я могу и в Индии щелкнуть пультом и посмотреть те самые передачи, которые смотрю в США. Когда-то мы слушали новости только по радио «Вся Индия» или по «Би-Би-Си». А сейчас я могу зайти в «Твиттер» и там следить за новостями на каналах «Си-Эн-Эн» и «Эн-Би-Си» и в «Нью-Йорк Таймс» – и мгновенно узнавать о последних событиях во всем мире. Благодаря достижениям транспорта, связи, индустрии развлечений и бизнеса мир сильно уменьшился – культуры, которые когда-то разделяла настоящая пропасть, сейчас смешиваются, быть может, даже слишком. Но мне всегда было очень отраднo думать, что главные ценности, которые внушила мне семья в рамках нашей индийской культуры, по-прежнему определяют мою жизнь. Именно благодаря этим ценностям я стал хорошим мужем, отцом, дедушкой, врачом и лектором – в Америке.

3. Магический круг Дипак

Я помню себя, наверное, с трех с половиной лет. В памяти застряли испуг и одиночество. Я сидел один в городском парке, в магическом круге, начерченном на песке, чтобы меня защищать. Я смотрел на деревья, и мне еще не было по-настоящему страшно, хотя я не сомневался, что притаившиеся в тени демоны ждут не дождутся, когда я шагну за круг.

Чтобы присматривать за нами – за мной и моим новорожденным братишкой Сандживом – родители наняли «айю», няньку. В число ее обязанностей входило каждый день гулять с нами в парке, чтобы у мамы была хоть какая-то передышка. Как же звали нашу «айю» – Мэри? Имена так легко забываются, а вот чувства – нет. В Пуне, куда получил назначение мой отец (он еще не съездил в Лондон на повышение квалификации по кардиологии), «айями» часто работали юные девушки из Гоа – индийского штата, где когда-то была португальская колония и жило много христиан.

В общем, наша «айя», как бы ее ни звали, каждый раз, когда мы приходили в парк, начинала крутить головой по сторонам. В какой-то момент она сажала меня на землю и рисовала на песке вокруг меня круг. И строго-настрого запрещала из него выходить, ведь снаружи рыщут демоны, после чего исчезала. Брала она с собой коляску с Сандживом или нет? Таких подробностей я не помню. Полчаса спустя Мэри возвращалась, порозовевшая и довольная. После чего мы шли домой, и по дороге она твердила, чтобы я никому-никому не рассказывал про ее фокусы с исчезновениями. Это будет нашей маленькой тайной. Прошло несколько лет, прежде чем я сообразил, что происходило на самом деле.

Во-первых, магический круг и шныряющие снаружи демоны. Это Мэри почерпнула из легенды. К тому времени, как мне исполнилось пять-шесть лет, мама начала рассказывать мне легенды из двух сокровищниц древнеиндийской литературы. Одна – «Махабхарата» («маха» значит «великий», а «Бхарата» – санскритское название Индии), эпическое сказание о битве за престол древнего царя Куру. Бессмертное сердце этого сказания – «Песнь Господа», или «Бхагавад-Гита». Индия – не только культура, пронизанная Богом куда в большей степени, чем все прочие культуры на свете, это еще и культура, пропитанная «Гитой». В ней с детства слышишь стихотворный диалог между богом Кришной и воином Арджуной, когда они сидят в

боевой колеснице Арджуны и ждут начала судьбоносной битвы. Если говорить совсем кратко, то «Бхагавад-Гита» – это гибрид троянского эпоса и Нового Завета. Когда Кришна объясняет Арджуне смысл жизни, то говорит о воплощении Бога.

Однако моя мать особенно любила «Рамаюну» – другое собрание основополагающих легенд, тоже эпос и тоже про битву, на сей раз – между Рамой, прекрасным принцем, воплощением Вишну, и Раваной, повелителем демонов-ракшасов. Приключения Рамы зачаровали бы любого мальчишку. Рама славился своим мастерством в стрельбе из лука, а его преданным союзником был Хануман, летучая обезьяна, чьей единственной целью в жизни было служить владыке Раме.

В детстве легенды и реальность легко переплетаются. Однако в нашей семье образ Рамы имел особое значение. Царь-отец изгнал Раму в леса на четырнадцать лет – сам он не гневался на сына, но был вынужден сдерживать слово, данное ревнивой жене. Принц утер слезы и послушался отцовской воли, а за ним в изгнание последовала его возлюбленная супруга Сита, а также – это особенно волновало маму – младший брат Лакшмана.

– Ты – Рама, а Санджив – Лакшмана.

Это нам твердили с утра до вечера, однако выводы я сделал не сразу, а на самом деле подобное сравнение ставило Санджива на ступень ниже меня в неофициальной иерархии. Рама любил младшего брата не меньше, чем Лакшмана – его. Однако было сразу ясно, кто командует, а кто подчиняется. В результате в семействе Чопра возник нехороший прецедент. Мама придавала нашим отношениям религиозную окраску – примерно так мать-христианка говорила бы сыновьям: «Ты – Христос, а ты – Симон Петр».

Я считал своей обязанностью опекать и защищать Санджива, но козырную карту Рамы разыгрывал при каждом удобном случае без зазрения совести. Один такой эпизод закончился скверно. Мне было десять, мы с семьей жили в Джабалпуре. Мы с братом были во дворе, тренировались стрелять из духового ружья – это был дорогой подарок, который папа привез из Лондона. Мишень мы сделали из пустой консервной банки на пятифутовом шесте.

Тут мне пришла в голову коварная мысль. Я встал прямо за шестом и велел Сандживу выстрелить в банку.

Санджив испугался.

– Это как Вильгельм Телль, – настаивал я. – Ты же никогда не промахиваешься. Давай!

Мне как раз недавно рассказали в школе легенду о Вильгельме Телле, который пробил стрелой яблоко на голове собственного сына. В тот миг, когда я стоял за шестом, а Санджив прицелился в меня из духового ружья, мне казалось, что все будет точно так же. Когда я наконец уговорил брата выстрелить, он так разнервничался, что попал мне пулькой – шариком из подшипника – прямо в подбородок. Потекла кровь, но меня гораздо больше заботило, как избежать нагоняя от родителей, чем такие пустяки, как ссадина на лице.

– Придется нам соврать, – постановил я. – Я знаю, что мы скажем. Давай придем домой и сохрем, что я перелезал через забор и упал. И поцарапал подбородок колючей проволокой, вот и все.

– Соврать?! – ужаснулся Санджив. И упрямо нахмурился.

– Так надо! Я Рама, а ты Лакшмана!

Санджив, все так же в ужасе, но подрастеряв упрямство, неохотно согласился последовать моему плану, и родители поверили нашей выдумке. Однако ранка у меня никак не зажила, и через несколько дней бабушка ощупала мне подбородок и сделала подозрительное открытие.

– Там что-то есть, – сказала она.

Меня тут же доставили в военный госпиталь и обнаружили у меня в подбородке пульку. Ее извлекли, даже шрама не осталось (хотя семейная легенда гласит, что именно с тех пор у меня ямочка на подбородке). Меня обкололи антибиотиками и отправили домой, где папа

прочитал мне страшную лекцию о столбняке. Честно говоря, я был рад, что обман вскрылся. Этот случай поспособствовал развитию у меня одной из основополагающих черт характера – нежелание открыто противодействовать властям. Жажда угодить отцу смешалась с еще более сильной жадой его не огорчать. Но тогда эта черта была у меня лишь в зачатке.

* * *

Так вот, о нашей «айе» с ее исчезновениями. Мэри была христианка, но тем не менее знала самые известные сюжеты о любимой супруге Рама Сите (освященный веками пример идеальной пары в индийской традиции). Как-то раз Рама отправляется в лес, чтобы добыть Сите великолепного золотого оленя, которого она видела в чаще. И велит Лакшмане охранять Ситу и берет с него клятву ни при каких обстоятельствах не отходить от нее.

Но прошло уже несколько часов, а Рама все нет, и Сита умоляет Лакшману отправиться на поиски брата. Лакшмана в полной растерянности. Сначала он отказывается нарушать клятву, но тогда Сита обвиняет его в том, что он недостаточно любит Раму и не желает спасать его, и Лакшмана соглашается пойти на поиски. Силами волшебства он рисует вокруг Ситы магический круг и строго-настрого велит не выходить за его пределы. Стоит любому демону или смертному шагнуть в круг, и он тут же сгорит дотла. И с этими словами Лакшмана исчезает в чаще.

Сита ждет, волнуется – и следующий, кого она видит, это странствующий монах, который просит у нее подаяния. Вид у монаха жалкий, а Сита так добросердечна. Она выходит из круга, чтобы положить подаяние в его мисочку, и в тот же миг монах принимает свое подлинное обличье – это свирепый демон Равана. Он хватает Ситу и уносит ее в свое царство на южном острове – и так в саге начинается очередное приключение.

Мой кружок на песке был посильнее магического круга Лакшманы, я так ни разу и не посмел выбраться из него. А загадочные исчезновения Мэри объяснились, как выяснилось, весьма приземленно: у нее был тайный роман, и видеться со своим кавалером она могла только в парке, когда выводила своих подопечных погулять.

Я несколько не в обиде, что она воспользовалась легендой в воспитательных целях. Однако у этого забавного случая есть и экзотический оттенок – и он хорошо вписывается в общую картину. Перенесемся во времени вперед, в 1987 год – в то судьбоносное время, когда я вышел из психологического кризиса. Традиционная медицина настолько меня разочаровала, что я в одиночку поднял против нее бунт. На кону стояла и процветающая частная практика, и должность лечащего врача в престижных больницах. Бостонская медицина была готова отторгнуть меня, едва я пожелаю отторгнуть ее.

Решение я принял мгновенно. В то время был невероятно популярен цикл телепередач под названием «Сила мифа», где Билл Мойерс беседовал с выдающимся специалистом по мировой мифологии Джозефом Кемпбеллом. Эти передачи просто заворожили меня. Прямо как дуновение из забытого мира. В Индии даже таксисты делают у себя в автомобилях алтарики-обереги с пластмассовыми фигурками Ганеши – любимого божества с толстеньким животиком и слоновьей головой. Приборные доски у них сплошь заклеены фотографиями гуру, а на грузовиках дальнобойщиков красуется призыв к Лакшми – богине процветания: «Джай Мата Ди» («Привет тебе, богиня-мать» на пенджабском языке). Новоиспеченный миллиардер ставил в фойе своего многоэтажного особняка каменные статуи разнообразных богов и богинь и лишь затем приглашал парижского дизайнера отделать интерьер. Живая мифология обеспечивает современной Индии национальный колорит – однако это еще и символ, значение которого все чувствуют необычайно остро.

Кэмбелл был прирожденный рассказчик, облакавший легенды в благоуханный наряд романтики, словно в стародавние времена. Помнится, и я когда-то кутался в одежды из мифи-

ческих идей, но они истлели и свалились с меня, словно старая кожа. Дело не в романтике. Для Кемпбелла мифология была живой, она пронизывала повседневную жизнь. Бизнесмен, дожидавшийся у перекрестка зеленого сигнала, был переодетым героем. Его жизнь в любую секунду могла обернуться поисками Грааля. Под слоем повседневных мелочей билась, рвалась на свет мечта.

И тут я увидел себя глазами Кемпбелла – думаю, в то время это произошло с миллионами других телезрителей. Это я стоял на перекрестке и ждал сигнала. Только никто мне не обещал, что загорится зеленый. Во времена моего детства мы были очень дружны с семейством Рао. У доктора Раджиндры Рао стоял первый частный рентгеновский аппарат в Джабалпуре. Главным образом его практика состояла в том, чтобы делать снимки легких и выявлять туберкулез, который в то время свирепствовал повсеместно. Кроме того, доктор Рао сотрудничал с отцом – его рентген подтверждал диагнозы, которые мастерски ставил мой отец. Его жена Маллика, тоже врач, была главным гинекологом в Джабалпуре. Клиника, где они принимали вдвоем, стяжала им в городе заслуженную славу. Дочку Рао Шобху в семье называли Амму – это южноиндийское словечко означает «малютка». Амму на два года младше Санджива. Мы считали ее своей сестренкой. На празднике Ракхибандхан принято, чтобы братья давали клятву защищать сестер, а сестры надевали им на запястья плетеные браслеты. Мы собрались вместе и провели этот обряд с Амму – и делаем это до сих пор, правда, с перерывами (у Амму есть и родной брат по имени Прасан, на два года старше). Сейчас она живет недалеко от Бостона – она пошла по стопам отца и стала рентгенологом.

Я был старшим и верховодил в компании – и дошел до того, что придумал каждому из нас военный чин, а сам назвался капитаном. Теперь, когда я вспоминаю те дни, то с нежностью и легким укором совести думаю о том, как преданно следовала за мной моя маленькая армия, с каким рвением слушала она мои приказы, точнее, прихоти и капризы. Мы всегда играли вместе, и озорница Амму даже согласилась войти в крикетную команду, которую мы с Сандживом организовали в нашем квартале, хотя кроме нее там были одни мальчишки.

У отца Амму было сокровище, которое приковывало к себе все взгляды: бордовая «шевроле-импала». Раньше машина принадлежала одному человеку, который разбогател на изготовлении и продаже биди – дешевых сигарет, которые сворачивают из листьев черного дерева и завязывают с одного конца веревочкой. Покупать биди могли себе позволить даже самые бедные рабочие, и на улицах постоянно пахло их дымом. Вредны они для здоровья чрезвычайно, но у Высших сил, похоже, есть своеобразное чувство юмора: один из самых почитаемых южноиндийских гуру Нисаградатта Махарадж владел в Бомбее лавочкой, где торговал биди, а на втором этаже давал консультации по духовной жизни. Благодаря биди прежний владелец «импалы» стал мультимиллионером – денег у него хватило, чтобы выписать себе из Америки эту огромную шикарную машину, но потом она ему надоела.

И вот однажды оба наши семейства, и Чопра, и Рао, в радостном волнении загрузились в «импалу» и покатали на свадьбу где-то далеко от Джабалпура. Нас и так было восемь человек, но мы потеснились и пустили еще верного слугу Рао, мастера на все руки, который готовил нам еду и, как мы рассчитывали, мог починить машину, если она сломается в дороге. Ехать нам предстояло в Дели, куда из Джабалпура 800 километров. Ради развлечения мы остановились в Панне, посмотреть знаменитые алмазные копи. Копи были словно рана в земле, выкопанная ступенями на манер открытой угольной шахты, а посередине стояли ярко-зеленые сточные воды.

Доктор Рао пустил за руль отца. Когда мы выехали за город, нам показалось, что нас преследует черная машина с неисправным глушителем, за которой вился густой дым. Мы свернули на шоссе, она поехала за нами. Местные бандиты, решил мой отец. Дакоиты. Наверное, они решили, что раз кто-то уезжает с алмазных копей на огромной американской машине, значит, у них полным-полно бриллиантов. В Индии, только-только добившейся независимости, было

еще беспокойно. В некоторых регионах не в диковину были вспышки насилия на расовой и религиозной почве.

В результате столкновений между индусами и мусульманами, которые начались в 1947 году с мгновенного раскола между Индией и Пакистаном, вспыхнула массовая резня – и даже Махатма Ганди погиб от пули убийцы.

Отец попытался оторваться от черного «седана», но прошло несколько минут, и неприятные подозрения обернулись полномасштабной автомобильной погоней. Преследователи пытались столкнуть нас в кювет. Отец жал на газ, чтобы сохранить дистанцию, однако «седан» быстро нас догнал. Пристроился борт о борт – мы даже видели трех свирепых мужчин внутри. Но я не помню, чтобы мне было страшно. Честно говоря, мы с Сандживом пришли в восторг.

Два слова о бандитах и об их особом статусе в Индии. Похоже, любые попытки добиться там закона и порядка в повседневной жизни терпят неудачу. Отдашь, к примеру, в химчистку свою парадную рубашку, потому что там пятнышко на рукаве, а тебе возьмут и из лучших побуждений отрежут оба рукава (как много лет назад произошло с рубашкой одного моего приятеля-американца – то-то он разозлился!). Или вместо специального средства для химчистки возьмут керосин – и от запаха будет потом не избавиться. Поневоле учишься обматывать конверт скотчем, иначе на почте марки могут отклеить, а письмо попросту выкинуть. В третьеразрядной гостинице можно так и не дожидаться, чтобы забрали грязные тарелки после обеда, а если учесть, что вся семья там спит в одной комнате и в одной постели, постояльцы сплошь и рядом решают спрятать грязную посуду в комод. И следующий постоялец обнаружит их, когда выдвинет ящик (такое произошло с другим нашим гостем), и удивится, конечно, но не слишком. Однако под тонким слоем хаоса, который бросается в глаза, скрывается тайный железный порядок, известный до мельчайших деталей.

Скрытый порядок, который правит Индией, – это единственный способ как-то регулировать жизнь. Невидимые границы есть повсюду. Хотя уже много десятков лет дискриминация на почве каст преследуется по закону, о кастах все помнят, хотя молчат. Имя и фамилия человека красноречиво говорят, где он родился, а иногда – еще и о том, какая у него дхарма, то есть семейное дело. На то, чтобы узнать, как зовут незнакомца, услышать его акцент и оценить, на каком диалекте он говорит и какой у него словарный запас, уйдет, возможно, всего минута, но за эту минуту он выдаст тебе свою концентрированную биографию, а заодно и полный набор предрассудков. Современный миропорядок свел людей, которые раньше ни за что не стали бы дышать одним воздухом. Они были вынуждены сидеть рядом в тесных купе в поездах – а ни в одной стране в поездах не бывает так тесно, как в Индии. Так что строгие старинные предписания – например, что брамин из касты жрецов должен вернуться домой и совершить омовение, если на его тропу легла тень неприкасаемого, – стали попросту невыполнимыми. Правда, таким ли уж жизнеспособным было при британском правлении правило, согласно которому человек, рожденный в высшей касте, после визита иностранца должен был выбросить всю еду в доме и устроить генеральную уборку?

Бандиты-дакоиты как никто воплощают бешеную пляску Индии между хаосом и порядком. Печально знаменитый бандит по имени Ман Сингх, действовавший с начала тридцатых до середины пятидесятых годов, далеко превзошел любого американского гангстера вроде Джона Диллинджера. За всю свою карьеру Диллинджер, как полагают, ограбил две дюжины банков и четыре полицейских участка, а убил при этом одного человека – полицейского. Ман Сингх совершил более 1100 вооруженных ограблений и убил 185 человек, не считая многочисленных похищений ради выкупа и перестрелок с полицией – в числе его жертв было 32 полисмена.

Сингх родился в долине реки Чамбал, в центральном штате Мадхья-Прадеш, на равнине, изрезанной извилистыми ущельями и поросшей кустарниковым редколесьем – лучше места, чтобы прятаться, и не найдешь. На родине Сингх пользовался огромным уважением – какую бы награду ни назначали за его голову, его так и не выдали. Он был поставщиком. Его банда

состояла из близких и дальних родственников – более десятка братьев и племянников, – а когда Сингх выступал на публике, то, как ни поразительно при его преступной репутации, держался скромно и почтительно. В 1955 году его расстреляли солдаты-гуркхи, когда он сидел под баньяном с сыном, и на этом месте в его честь построили храм. Говорят, дакоиты до сих пор почитают этот храм как святыню и вымаливают себе там удачу, когда идут на очередное «дело».

Сложная история, столь же противоречивая, сколь и само общество, да и человеческая природа. В любой культуре те, кто живет вне закона, окружен ореолом романтики, однако где еще за пределами Индии у них есть собственный храм? Где еще знаменитая преступница Пхулан Деви могла бы сдаться полиции под приветственные крики 10 000 зевак – и положить при этом свое ружье к портрету Ганди? Между прочим, отсидев свой срок в тюрьме, «королева индийских бандитов» была избрана в парламент – но потом ее застрелили перед ее домом в Нью-Дели. Ей не было и сорока лет. Мой добрый друг режиссер Шекхар Капур получил в 1994 году всемирную известность благодаря фильму «Королева бандитов». Там была яркая сцена сексуального насилия над юной Пхулан Деви, которую один разъяренный критик назвал «индийским фокусом с воровкой» (по аналогии со знаменитым «индийским фокусом с веревкой»), однако благодаря этой сцене стало понятно, почему Пхулан Деви стала своего рода мученицей-феминисткой.

Все мы сокрушаемся, что человек слаб и несовершенен, и все мы так или иначе миримся со своими личными демонами. Однако в Индии демонов почитают как необходимую составляющую бытия. Творение – это игра света и тени, оба эти начала божественны, и даже Равана, повелитель демонов, сдавшись на милость Рамы, молит даровать ему путь к просветлению. Рама не низвергает Равану в преисподнюю, а исполняет его желание. В эпосе есть рассказ о храмовом воришке, который достиг мокши – окончательного освобождения, – украв масляный светильник. С духовной точки зрения быть преступником – значит страдать, так что это было последним жестом искупления, который был необходим, чтобы Шива, покровитель духовных искателей, был удовлетворен и счел, что воришка заслужил просветление. Сегодняшний святой – вчерашний грешник, отработавший карму за тысячи жизней. Секрет скрытого порядка – обеспечить исполнение законов добра и зла, втайне понимая, что в конце концов окажется, что и то и другое – ступени к вечной благодати.

Когда приезжаешь в Индию, варианта у тебя только два – или-или. Хаос тебе или враг, или друг. Уклониться невозможно. Иначе тут же свихнешься.

* * *

Так вот, вернемся к бордовой «импале»: намерения у бандитов были самые серьезные. Они ехали бок о бок с нами и старались спихнуть нас с дороги. И что же – мой отец пожалел, что не послушался советов не ездить в темноте по скверным двухполосным шоссе? Он и бровью не повел. И сам он, и доктор Рао были врачи – люди хладнокровные, опытные, привыкшие к опасностям и знающие, как себя вести.

Мама и миссис Рао принялись молиться о спасении. Они знали, что в худшем случае у сельских бандитов могут быть ружья и пистолеты, хотя в тогдашней Индии огнестрельное оружие было редкостью. Мы с Сандживом сообразили, что выразить восторг сейчас, пожалуй, не время, и притихли. Амму взяла с нас пример. Мы мчались по дороге, пока не доехали до поворота на ближайший относительно крупный город. Отец в последний момент заложил крутой вираж и свернул с шоссе на проселок. Бандиты с разгону проскочили поворот. Пока они тормозили и разворачивались, отец уже нашел местный полицейский участок, и преследователи отстали. Я совершенно не представляю себе, сколько на самом деле длилась погоня – она

сохранилась у меня в памяти в такой же временной петле, в какой нам помнятся моменты острейшего счастья, самые страшные травмы и периоды невыносимого ожидания.

* * *

У нас с братом было общее детство, которое связало нас нерушимыми узами, но при этом сформировало двух совершенно разных людей. С первых же лет было понятно, что пути наши разойдутся. Учился я всегда охотнее Санджива, зато на его счету больше спортивных успехов. Возможно, именно поэтому мы были избавлены от обычной братской ревности. Наши характеры прекрасно дополняли друг друга – особенно это было заметно на примере крикетной команды, которую мы создали в Джабалпуре.

Во времена расцвета Британской империи на долю англичан выпали страшные страдания: британцы бросали все силы на то, чтобы сохранять традиционный уклад и жить как на родине, причем фатальнее всего это проявлялось в одежде. Шерстяная военная форма на парадном плацу не имела никакого смысла в колонии, где солдаты падали в обморок от зноя. Лечить тропические болезни никто не умел. Колонисты умирали от тифа не реже туземцев, на которых они посматривали сверху вниз, словно на дикарей. Выход был только один – отправить детей и женщин в горные гарнизоны на севере, у подножия Гималаев, подальше от этого пекла. Эти прохладные оазисы становились ностальгическими копиями английских деревушек: викторианские домики, украшенные кружевной резьбой, на которых любили верещать по ночам попугаи и обезьяны.

Подобные сюрреалистические аномалии встречались на каждом шагу – например, теплая крикетная форма, которую, несмотря на жару, носили по недомыслию даже игроки-индийцы. Мы с Сандживом с раннего детства страстно обожали крикет. Как-то раз мы посмотрели матч между командой нашего штата Мадхья-Прадеш и заезжими гостями из Вест-Индии, и я решил, что нам нужно организовать свою команду из соседских ребяташек. Себя я назначил капитаном, а Санджива – вице-капитаном. В команду мы набирали детей слуг и низших военных чинов. (Интересно, считали ли они, что мы такие же, как англичане, которые командуют их родителями? Если и так, то любовь к игре, видимо, оказалась сильнее неприязни к власти имущим.) Мы насыпали на заднем дворе целую гору красного песка, разровняли ее и сделали крикетное поле, где играли с другими детскими командами из нашего города.

Для мальчишек в этом возрасте спорт – живое доказательство существованиярая, отзвук волшебной свободы в ностальгических воспоминаниях о том времени, когда солнце никогда не заходило за тучу.

Хотя капитаном был я, победы нашей команде обеспечивал Санджив. По правилам крикета сенчури – сто ранов за один иннингс – считается большим достижением. А Санджив как-то раз набрал двести ранов за иннингс – двойное сенчури. Все мы боготворили его.

Я тоже был неплохим спортсменом, но равняться с братом, конечно, не мог. Зато я гораздо охотнее шел на риск ради победы. Однажды из-за меня мы потерпели полный крах. Мы с Сандживом ходили в частную школу для мальчиков, которую организовала конгрегация братьев-христиан из Ирландии. Братья-христиане рассчитывали обратить в христианство своих учеников и поэтому организовали сеть престижных школ по всей Индии – считалось, что это лучшие школы в стране. Один из братьев-христиан запретил мне проделывать особенно хитрый прием – вроде броска по дуге в бейсболе, который очень трудно выполнить правильно. А если ошибиться, бэтсмен выбьет мяч из парка. И вот учитель, наблюдавший за игрой со стороны, крикнул мне, чтобы я не вздумал делать эту подачу. Но во мне проснулся бес противоречия, и я решил, что меня не запугаешь. Я же знал, что если я правильно выполню прием, то выведу бэтсмана из игры.

Две первые попытки закончились полным провалом. Бэтсмен выбивал мяч из парка (что не равносильно хоумрану, потому что он при этом остается в игре). Болельщики все больше и больше злились и кричали на меня с обеих сторон поля, отчего я только преисполнялся решимости. Экспериментировать в разгар матча было отменной глупостью, но тут судьба мне улыбнулась. На третий раз я вывел бэтсмана из игры. Я доказал, что способен сделать то, что задумал. К сожалению, учителю все виделось иначе. Во время перерыва он отвел меня в общую спальню, велел спустить штаны и больно отшлепал за непослушание. Одним из важных отголосков британского правления в Индии было беспрекословное подчинение властям – а за отказ повинаться полагалась унижительная доза телесных наказаний. В результате все твердо усваивали, что подчинение правилам важнее результата. На этом и работала система.

Я уже упоминал о том, что уважение к властям превратилось у меня исподволь в черту характера. Я постоянно ловил себя на желании угодить вышестоящим, однако с ноткой обиды и недовольства. Не знаю, сильнее ли я стал благодаря телесным наказаниям или наоборот. Мятежниками не становятся мгновенно. На психику воздействует столько разных сил, что уже не разобраться, что чему причиной.

Однако много лет спустя, когда я проходил в Бостоне резидентуру, то считал, что лучше уж вспышка мятежной злости, чем перспектива получить очередную дозу унижения. Я был молодым доктором двадцати с небольшим лет и попал к одному из ведущих эндокринологов в стране. Страсть к учебе у меня отнюдь не утихла. Я уже прошел одну двухгодичную резидентуру и сдал многоступенчатые государственные экзамены по общей терапии. В те годы, в начале семидесятых, молодому врачу, проходившему резидентуру, без хорошей стипендии было не свести концы с концами, а у меня уже была семья, которую надо было кормить. Однако работа не приносила мне радости. Научный руководитель мне попался очень придирчивый, сущий мелкий тиран, и я не вылезал из лаборатории – то делал крысам инъекции йода, то препарировал их и смотрел, как йод на них повлиял.

Эндокринология – наука о гормонах, вырабатываемых эндокринной системой; это точная техническая специальность. А мне гораздо больше нравилось осматривать пациентов, чем корпеть в лаборатории, однако и исследовательская работа тоже меня манила. Теперь, когда прошло сорок лет, кажется, что изучение трех гормонов щитовидной железы – это азы медицинской науки, однако в то время сам факт, что мой научный руководитель – один из первопроходцев в исследовании реверсивного трийодотиронина, уже был сенсацией. Мы работали в атмосфере жесткой конкуренции, стремились опередить другие исследовательские группы в той же области, и предполагалось, что щитовидная железа – смысл нашей жизни.

Я был иммигрант, выбравший бостонскую медицину за ее престиж и перспективы, однако все кругом то и дело напоминало об Индии. Большую роль в выявлении реверсивного трийодотиронина сыграл мой коллега из одного индийского медицинского института – по странному совпадению, его зовут Индер Чопра. А крыса – священное животное бога Ганеши. Правда, когда препарировешь зверюшку со скальпелем в руке, от покрова святости остаются разве что клочки. В то время я отнюдь об этом не жалел.

Особенно я закипал во время ритуала утренней «летучки». Однажды научный руководитель при всей группе устроил мне допрос с пристрастием по техническим деталям:

– Сколько миллиграммов йода вводили крысам Милн и Грир, по данным их статьи 1959 года?

Это относилось к какому-то основополагающему исследованию, но я от злости ответил нарочито беспечно, потому что на самом деле моему руководителю нужны были не цифры – ему надо было выставить меня невеждой:

– Две целые одна десятая миллиграмма, кажется. Я проверю.

– Наизусть надо знать! – раздраженно рявкнул руководитель. Вся группа сидела тише воды ниже травы.

Тогда я встал, подошел к руководителю и шлепнул его по голове толстой папкой:

– Вот сами и учите!

И вышел.

Научный руководитель догнал меня на стоянке, где я, красный от бешенства, дрожащими руками заводил выдавший виды «фольксваген-жук» – визитную карточку молодых честолюбивых профессионалов. Научный руководитель сунул голову в машину и сказал с деланным спокойствием, умело скрывая гнев:

– Не надо. Вы губите себе карьеру. А я могу вам это обеспечить.

Истинная правда. Поползут слухи, а если руководитель расскажет, что недоволен мной, о будущем в эндокринологии и мечтать нечего. Однако на самом деле я не собирался губить себе карьеру. Я восстал против человека, который хотел унижить меня при всех. Мятный порыв был импульсивным – а значит, что-то такое было заложено в моем характере, несмотря на всю тягу к чинопочитанию. В такие переломные моменты каждый, наверное, роется в памяти в поисках причин подобных срывов. Задним числом мы всегда находим своим поступкам рациональное объяснение, произвольно корректируем свою биографию. Однако какими бы случайными ни были причины, которые мы сочиняем, это всегда самооправдание. Самолюбие бросается в гущу событий очертя голову, после чего темная сторона психики прорывается на поверхность и тащит за собой всевозможные нелепицы, которые мы называем «переоценкой ситуации» – угрызения совести, сожаления, навязчивые воспоминания, самообвинения, панику, тревогу о будущем. И самолюбию приходится перестроиться и обороняться от этих неуловимых, но назойливых противников. Контролировать этот процесс не может никто – никому не удастся примирить между собой психические силы, которые дергают нас в разные стороны. Кто-то из нас склонен к рефлексии, такие люди сознательно участвуют в процессе и встречают его лицом к лицу. Но большинство поступает в точности наоборот. Они стремятся отвлечься, убежать от бушующей внутри подпольной войны, пока не наступит неизбежная ночь, когда сон бежит от нас и призраки подсознания уже ничем не усмиришь.

Я принадлежал ко второму лагерю. Сумел завести свой «фольксваген» и уехал, оставив научного руководителя стоять на площадке, кипеть от ярости и лелеять планы мести. Слухи и правда поползут, тут сомневаться не приходилось, и передо мной замаячила перспектива остаться без работы, если не удастся наниматься на ночные дежурства – самая низкооплачиваемая и унылая работа среди бостонских врачей. Я еще пожалею о содеянном. Не прошло и пяти минут с тех пор, как я отъехал от больницы, как до меня дошло, что я натворил. Пришлось даже остановиться у какого-то бара и опрокинуть рюмочку, чтобы набраться храбрости, прежде чем сообщить ужасные новости Рите.

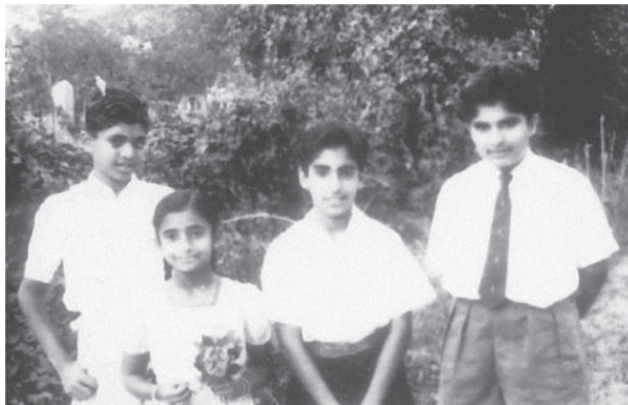
Меня совершенно сбило с толку то, какой радикальный переворот только что произошел во мне. Воспитывали меня в совершеннейшем почтении к властям – этому служили и магический круг, и то, что Рама должен опекать младшего брата, и порка после крикетного матча. Труднее всего бывает изменить именно те качества, которые впитались в нас так глубоко, что стали неотъемлемой частью характера. То, что ты усвоил какое-то качество, еще не доказывает, что оно нормально, однако самые коварные черты характера и вправду кажутся своему носителю нормальными, тем-то они и коварны.

Представителям любой религии известно как дважды два, что для веры нет никого опаснее отступника. Бостонская медицина была истинной верой. Я не собирался от нее отступать. Если бы накануне того дня, когда я стукнул светило папкой по голове, меня спросили бы, как я отношусь к официальной медицине, я бы поклялся ей в верности. Честно говоря, у меня не было никаких причин перевернуться на другую сторону, по крайней мере, рациональных. Обычно человек не уходит из церкви, если нет другой церкви, куда можно податься. Однако если хочешь выяснить, и вправду ли вне магического круга шныряют демоны, волей-неволей надо шагнуть за границы, которые тебя оберегают. Для меня это стало подлинным началом

карьеры разоблачителя. Нет, я не ставлю себе в заслугу никакие разоблачения, однако сила, таившаяся во мне, уже незримо прокладывала мне путь.

4. Сари-талисман Санджив

Моя бабушка со стороны отца была женщина необразованная и довольно смиренного нрава, однако при всем при том очень мудрая, а при необходимости умела и браниться. Хотя в школу она никогда не ходила, но научила нас, что образование – это не только книжки. Отец часто рассказывал нам с Дипаком достопамятный случай: как-то раз, когда отцу было пять лет, он обедал в кухне с младшим братом и лучшим другом младшего брата – мусульманином Ильясом.

В их доме кухня соседствовала с молельной комнатой. И тут к ним неожиданно зашел местный священнослужитель – они называются пандиты; он частенько у них бывал. Заметив в кухне Ильяса, пандит рассвирепел.

– Вы притворяетесь такой набожной, а при этом пускаете к себе в кухню, по соседству с индуистскими богами и богинями, не кого-нибудь, а мусульманина! Боги вас не простят!

Мы с Дипаком ни разу не слышали, чтобы бабушка повышала голос, но, видимо, тогда это как раз произошло. По крайней мере, так рассказывал папа.

– Да как вы смеете так со мной разговаривать? – взорвалась она. – Ильяс – друг моего сына и мне как сын! При чем тут все эти раздоры между индуистами и мусульманами? Мои боги ничего об этом не знают. Вон из моего дома и своих богов забирайте с собой – и чтоб ноги вашей здесь больше не было!

И вытолкала его за дверь.

Отец постоянно твердил нам о том, как важно получить образование, отправлял нас в самые лучшие британские школы, однако в нашей семье именно женщины приучили нас признавать и ценить духовную сторону жизни, объясняли, как важно уважать других и уметь им сострадать.

Отец моей бабушки с материнской стороны был сикх, поэтому бабушка прививала нам моральные ценности и этой религии. Чтобы объяснить, что такое сикхизм, бабушка рассказывала нам легенды о его основателе гуру Нанаке.

Однажды гуру Нанак вздремнул на телеге. Местный мулла заметил, что ногами он спит прямо к мечети. Рассердился и растолкал его.

– Да как ты смеешь спать ногами к Аллаху! – отчитал мулла гуру Нанак. – Это же богохульство!

– Прости меня, премудрый человек, – мягко ответил гуру Нанак. – Я согрешил и каюсь. Прошу тебя, направь меня ногами туда, где Аллаха нет.

Мать нашего отца подобными историями учила нас, как опасно считать, будто какой-то бог – любой бог – почему-то стоит выше всех остальных, а ведь это фундамент, на котором строится почтение ко всем религиям без исключения. Так она напоминала нам с Дипаком, что всегда нужно быть готовыми принять и признать чужие ценности.

Это, конечно, подкрепляла и мама – она всю жизнь прожила в убеждении, что все люди равны и никого нельзя считать лучше других. Кастовую систему она не признавала. Мама была просто верующая. Другого способа ее описать, пожалуй, и нет, хотя следующий случай тоже очень для нее характерен. В 1957 году родители жили в Джабалпуре, и первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру прибыл в город на запуск переоборудованного оружейного завода, который теперь должен был производить армейские грузовики «мерседес-бенц».

Большинство американцев знают о деяниях Ганди, который возглавил великую революцию путем пассивного сопротивления, однако Неру в Индии чтят и любят не меньше. Они вместе избавили Индию от британского владычества. Неру был человек необычайно харизматичный, блестящий лидер, идеально продумавший весь путь к современной Индии. Сегодняшняя Индия – воплощение его представлений. Для многих индийцев он и Джордж Вашингтон, и Мартин Лютер Кинг.

До прибытия Неру в Джабалпур оставалось еще больше месяца, но все уже начали готовиться к встрече высокого гостя. Мама ломала себе голову, в какое сари нарядиться по такому случаю. Отец не мог понять, почему она так волнуется.

– Какая разница? – спросил он. – На улицах будут миллионы. Не увидит он твоё сари!

Но мама все равно пошла и купила себе новое сари.

– Он обязательно меня заметит, – сказала она. – И оценит.

Такого, конечно, быть не могло. Неру не знал мою маму. Но мама всей душой верила, что это произойдет.

Неру должен был проехать мимо нашего дома на шоссе Нарбада. В половине пятого утра мы все уже стояли на улице при полном параде. Отец был в военной форме, все его медали так и сверкали. Мы с Дипаком надели школьную форму с галстуками. А мама – новое сари. К семи утра вдоль шоссе выстроились десятки тысяч человек, полиция ставила ограждения, чтобы сдержать толпу. Ждали мы долго, и вдруг из-за угла показалось несколько машин. Премьер-министр стоял в открытом джипе и приветливо всем махал. Толпа неистовствовала:

– Да здравствует Неру! Да здравствует Неру!

Джип Неру приближался, рев становился оглушительным. Все кругом кричали, вопили, тянули руки, чтобы коснуться Неру, а он все махал и махал. Однако, когда джип поравнялся с нами, Неру вдруг вытащил розу, которую всегда носил в петлице, и бросил ее прямо к маминым ногам. Мама подобрала розу и победоносно поглядела на папу:

– Что я тебе говорила?

Мы вернулись в дом, поставили розу в вазочку, а потом вынесли из комнаты все остальное. Три недели к нам домой тянулись люди со всего города поглядеть на розу, которую мистер Неру подарил миссис Чопра. После этого мама устроила праздник и раздала всем гостям по лепестку. В некоторых семьях лепестки стали реликвией и передавались из поколения в поколение.

А мне в наследство осталось лишь твердое убеждение, что мама ни на секунду сомневалась, что премьер-министр ее оценит. Как бы это ни было иррационально, мама в это верила.

Правда, был и случай, а может быть, и не один, когда мамина вера зашла слишком далеко. Мама была большая любительница крикета. В 1959 году в Индию приехала сильная австралийская сборная, чтобы сразиться с индийской сборной, которая была слабовата. Международные крикетные матчи в Индии – очень важное событие. Жизнь в стране замерла: взрослые прогуляли работу, дети не пошли в школу, с улиц исчезли машины и повозки. Никто не давал

Индии ни единого шанса в этом матче. Однако произошло событие, которое по сей день называют «Кампурским чудом»: немолодой игрок Джасу Патель стал национальной легендой, взяв девять подач из десяти – невероятный результат! Это как выбить четыре хоумрана за один иннинг. Мама сидела у радиоприемника и слушала трансляцию матча по радиостанции «Вся Индия». Как и многие завзятые болельщицы, в тот день она оделась нарядно – в то самое сари, поскольку была убеждена, что оно приносит удачу. Так вот, после этого мама сорок лет надевала это сари каждый раз, когда Индия участвовала в международных крикетных матчах. А тот факт, что большинство этих матчей Индия проиграла, маму ничуть не тревожил. Когда мы с Дипаком подшучивали над ней по этому поводу, она была непоколебима:

– Говорите что хотите. Буду надевать это сари и дальше.

И надевала. О приближении международного крикетного матча знали даже в химчистке.

Мама была человек очень чуткий и сострадательный и демонстрировала эти качества ежедневно – с пациентами, которые приходили к нам домой на прием к папе. Она лично встречала каждого у порога.

– Как вы добрались? – спрашивала она.

Ответы были самые разные – от автомобиля с личным шофером до многих миль пешком: «В нашей деревне слышали про доктора Чопру. Мы приехали на автобусе, чтобы он поставил диагноз». И иногда мама вместо того, чтобы взять с них плату за прием, сама давала двадцать рупий на обратную дорогу.

Лучше всего показывает, какие ценности внушала нам мама, одна история, произошедшая уже тогда, когда мы с Дипаком сами покинули дом, чтобы учиться на врачей. Однако в данном случае мама повела себя совсем не так, как в нашем детстве. Родители жили в районе Дели под названием Дефенс-Колони, в доме, который выстроили сами. Однажды часов в девять вечера их повар Шанти накрывал на стол, и тут позвонили в дверь. Это было совершенно в порядке вещей: больные приходили к папе и среди ночи.

Шанти пошел открыть, но вдруг послышался какой-то странный шум. Трое молодых людей втолкнули Шанти обратно в столовую – бедняга повар был в крови, которая текла из раны на голове. У всех троих были ножи, а у одного еще и пистолет. Они закричали на родителей, осыпали их всяческими угрозами. Но тут подала голос мама.

– Я знаю, что вам нужно, – сказала она. – Деньги и драгоценности. Мы отдадим вам все, что есть в этом доме. Похоже, вам это нужно больше, чем нам. Вот, возьмите.

Она сняла украшения, которые на ней были, и протянула им.

– Мало! – заорал главарь бандитов. Потребовал ключи от сейфа и потащил родителей в спальню.

Мама отдала ему ключи и даже собиралась помочь открыть сейф, но тут один из бандитов ударил Шанти еще раз. Тут-то мама и рассердилась.

– А ну прекрати! – закричала она. – У него двое маленьких детей! Хочешь кого-нибудь убить – убей нас с мужем. Мы прожили хорошую жизнь, наши дети прекрасно устроены. А этого молодого человека трогать не смей! Он тебе ничего не сделал, а мы даем тебе, что ты просишь!

Грабители растерянно переглянулись. Выпустили Шанти. И тут главарь вдруг бросил на постель серьги, которые только что дала ему мама, пал перед ней ниц и коснулся ее ног – жест величайшего почтения к старшим и в некотором роде просьба о благословении.

– Я тебя прощаю, – сказала мама, – и надеюсь, что ты встанешь на истинный путь.

– Вы были очень добры, – отвечал грабитель. – Нехорошо, если мы все у вас заберем. У вас лицо без серег словно голое. – Он повернулся к остальным грабителям. – И мужа ее я узнаю. Это врач, мой отец лечился у него семь лет назад. Пошли отсюда.

Они связали родителей и Шанти и заперли в ванной. Однако перед уходом пригрозили, что если родители опознают их в полиции, они вернутся и расправятся с ними. Мама дала слово, что не станет.

Маме тогда было за пятьдесят; она развязала веревки на папе зубами, а потом вызвала полицию. Грабители были неопытные, оставили много улик, в том числе отпечатки пальцев, и их быстро нашли и арестовали. Однако когда маме сказали, что если она хочет вернуть свои драгоценности, то должна прийти в участок и опознать нападавших, она отказалась и объяснила, что дала обет и что сдержать слово для нее важнее украшений.

Через несколько месяцев главарь сбежал из тюрьмы и был убит в стычке с полицией.

* * *

Еще мама следила за нашими манерами и учила хорошо себя вести. Эти уроки я прекрасно помню. Она натаскивала нас с Дипаком, что когда нам что-то предлагают, нельзя просто взять – надо, чтобы предложили трижды, и только тогда можно согласиться. Трижды, не больше и не меньше: это мама подчеркивала постоянно.

Больше всего я любил сладости под названием «расгулла». Когда мне было пять лет, наша семья обедала в доме моего дяди, и тетя предложила мне расгуллу. Мамины уроки я помнил твердо.

– Нет, спасибо, – ответил я. (Раз.)

– Ну же, возьми! – настаивала тетя. – Неужели ты не любишь сладкое?

– Нет, спасибо, – повторил я. – Не надо. (Два.)

Но тут она, вместо того чтобы предложить мне расгуллу в третий раз, перешла к следующему гостю.

– погоди, тетушка, – крикнул я. – Пожалуйста, вернись и предложи мне еще раз!

Интересы у нас с Дипаком были совсем разные. Дипаку всегда больше нравилось учиться, а мне – заниматься спортом. Пока он читал книги и газеты и мучился философскими вопросами, я играл в крикет, футбол, хоккей на траве, пинг-понг, бегал марафоны, прыгал с шестом и в высоту – и если где-то проходили соревнования, пусть просто в дартс, мне непременно надо было участвовать. Даже с лучшим другом мы чаще всего играли в соревнования по бегу, а роль Дипака сводилась к тому, чтобы свистеть в стартовый свисток и замерять время.

Так что пока Дипак собирал грамоты за отличную учебу, я коллекционировал спортивные награды. Дипак очень нервничал, что я мало занимаюсь или не доделываю начатое. Он даже маме жаловался:

– Санджив еще не сделал уроки, а домой не идет!

Пусть себе играет, отвечала мама, пусть себе играет.

У меня, как и у брата, хорошая зрительная память, а в индийских школах учили в основном при помощи зубрежки. Довольно часто домашние задания состояли в том, чтобы выучить наизусть страницу, а для меня это трудностей не составляло. Мне всегда удавалось все делать и получать хорошие оценки. Я был прилежный, внимательный и собранный. С раннего детства я ставил перед собой цели и не оставлял стараний, пока не достигну их.

При всем при том в школе я постоянно витал в облаках. Если учителя замечали, что мы отвлеклись, то били нас по пальцам линейкой. Они говорили, что приучают нас к дисциплине ради нашего же блага. Признаться, объектом их благодеяний я становился не раз и не два.

Разумеется, без телевизора, компьютеров и видеоигр отвлекаться нам было особенно не на что. Более того, когда в десять лет я получил в школе награду, это была книга – книга об американском телевидении. Телевизора я еще ни разу не видел, но книгу полюбил всей душой. Часами глядел на черно-белые фотографии ящика с человечками на экране. Он меня совер-

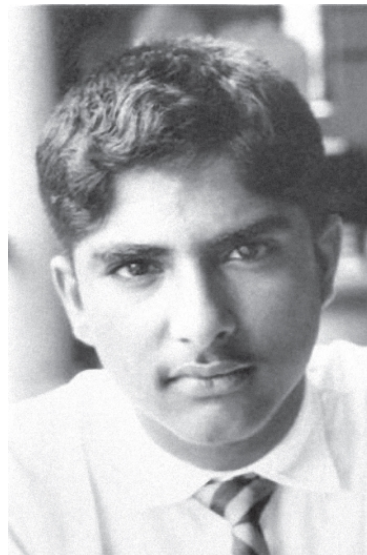
шенно очаровал. Я узнал и о телезвездах вроде Джека Бенни и Милтона Берле. Пока Дипак читал про политику и философию, я все больше увлекался этим волшебным устройством.

Дипак в детстве делал все как положено. Может, дело в том, что он старший брат и у него другая степень ответственности. А я? Я вечно лез куда не надо и нарушал все правила. И, конечно, был свободолюбив – а брат свободолюбием никогда не отличался.

Однако я хорошо устроился: свобода ничем мне не грозила, я же знал, что Дипак за мной присматривает.

5. Потаенные чудеса Дипак

Чудеса – дело тонкое. Всем нам хочется, чтобы они случались почаще, но ведь тогда повседневная жизнь перевернется с ног на голову. Представьте себе, что было бы, если бы самолеты держались в воздухе только чудом. Тогда всем пассажирам пришлось бы молиться – а не только тем, кто очень боится летать. Благополучная посадка была бы свидетельством милости Божией, а катастрофа – гневом Его. Куда как уютнее понимать, что самолеты летают благодаря физическому закону, который называется закон Бернулли: поток воздуха поддерживает крыло. Миллионы людей доверяют аэропланам, не понимая закона Бернулли, просто потому что знают, что наука надежнее веры. Чудеса – это очень зрелищно, но уповать на них в аэропорту как-то не хочется.

В детстве, в Индии, вся эта система рационального и предсказуемого была у меня плохо налажена. На Западе на чудеса никто не полагается, а на Востоке только о них и думают. Чудо не отменяет законов физики, не усугубляет неопределенность. Оно доказывает существование Бога (в чем и так никто не сомневается). Более того, чудо подтверждает мировоззрение моих предков. В их реальности Бог участвует во всех делах человеческих. Это очень утешает. Господь видит тебя. Твое существование его заботит, а то, что чудеса так неуловимы – они происходят или с незнакомыми людьми, или с теми, кто уже несколько веков в могиле, что очень удачно, – лишь способствует сияющему ореолу божественной тайны.

Мой отец – врач, получивший западное образование, – был среди тех, кто срывал покровы чуда. Его окружали люди, цеплявшиеся за чудесную реальность. Один из его братьев, коммивояжер, торговавший снаряжением для хоккея на траве, обожал посещать всевозможных праведников. Он твердо верил, что если просто посидеть в присутствии святого – так у нас было принято называть праведников любой конфессии – это приблизит к Богу. С точки зрения отца, все это были пережитки старой суеверной Индии, которые следовало изживать. В результате почтение, с каким к нему относились простые крестьяне, не просто смущало его. Отец считал, что так они выказывают полное невежество в вопросах современной медицины, а с невежеством он боролся всю жизнь.

Но даже в рациональной системе моего отца было чему удивляться и было что почитать. Когда мне было семь лет, он как-то вечером вернулся домой, едва скрывая радостное волнение. Думаю, тогда я впервые видел, как ему изменила обычная сдержанность.

– Сынок, скорее. Умойся и поправь одежду. Выходим через две минуты.

Когда я был готов, отец уже сел на велосипед.

– Поехали! Быстрее!

Он похлопал по рулю, я взобрался на велосипед. И мы покатали в сумерки, оставив дома маму с четырехлетним Сандживом: для таких приключений (хотя что нас ждет, я понятия не имел) он был еще маловат, и мама была вынуждена с ним сидеть. Папа катил по благоуханным улицам Пуны и упорно отказывался объяснять, куда мы едем.

– Увидишь. Держись крепче.

Тайна и восторг распалили мое воображение – или распалили бы, если бы мне не пришлось изо всех сил цепляться за ручки, чтобы не слететь с руля, когда нас заносило на поворотах. Мы лавировали между обычными для маленьких городов машинами и повозками – дорогу заполнили автомобили, мотоциклы, рикши на мопедах, другие мотоциклисты и телеги, запряженные волами. В детстве машин было гораздо меньше, а волов гораздо больше, вот и вся разница. Мы промчались мимо городских базаров, и мне запомнилось – что только добавило поездке увлекательности, – как я просил папу притормозить на каком-то перекрестке и полюбоваться на заклинателя змей. Тот как раз собирался стравить в смертельном поединке кобру с мангустой.

Однако прошло много лет, и память шутит надо мной. Мне было семь лет, я был взвинчен до предела и, должно быть, видел таких смертельных поединков более чем достаточно. Вряд ли заклинатель змей стал показывать свой номер после заката на скудно освещенной улице.

Зато толпу, которая нас дождалась, я не выдумал. Правда, меня она только разочаровала: большая компания прилично одетых мужчин в каком-то зале. Ни жен, ни детей. Отец нашел два последних свободных места и поприветствовал кое-кого из собравшихся. Мы были в британских военных казармах, где папа работал. Зал помещался в небольшом кирпичном доме, известном как Корпус БИ (сокращенно «Боевые инциденты»), где лечили всевозможные травмы и недуги.

Оставалась одна надежда: меня потащили на ночь глядя неведомо куда, чтобы показать какой-нибудь медицинский курьез, забавного уродца. Но нет – на сцену под гром аплодисментов вышел какой-то английский джентльмен в сюртуке. Слегка поклонившись, он начал лекцию, сопровождаемую нечеткими слайдами на самодельном экране; говорил он правильно и скучно. На слайдах были россыпи белых точек с ореолами.

Отец был полностью поглощен лекцией. А я был усталый семилетний мальчишка, переполненный впечатлениями. И быстро уснул, уткнувшись в теплый папин бок.

Когда папа растолкал меня и усадил обратно на руль, то по-прежнему лучился от восторга. Домой мы ехали медленно, папа придерживал меня рукой за плечо.

– Знаешь, кто это был? – спросил он. – Это Флеминг, человек, который открыл пенициллин.

– Пенициллин – это где?

Мне показалось, что это дальше Пондишери и даже Лондона. Папа рассмеялся. И рассказал мне увлекательную историю о белых точечках и о том, как спасает людей от смерти целебная сила самой обычной хлебной плесени. Папа объяснил, что люди столетиями выбрасывали заплесневелый хлеб, и не подозревая, какое чудо таится под пушистой зеленой порослью, из-за которой хлеб становился несъедобным. Какое благо для человечества, что сэр Александр Флеминг не стал сразу выбрасывать культуры бактерий в чашке Петри, которые «погубила» плесень.

С тем, что чудеса всегда сокрыты, согласны все. Йог медитирует в далекой гималайской пещере, а пенициллин все это время был у нас прямо под носом. Вопрос в том, что проливает свет на чудеса. Похоже, вариантов ответа только два. Либо чудеса являет нашим глазам милость Божья, либо их раскрывает рациональный разум, который углубляется в устройство физического мира. Как ни странно, с годами я, по всей видимости, примкнул к лагерю, который отрицает это «или-или». Разве не может быть такого, что вот оно чудо, вплетенное в ткань природы, и при этом оно все равно служит подтверждением существования Бога? Представьте себе мир, где сэр Александер Флеминг показывает слайды с левитирующим йогом, окруженным сияющей аурой. Вот это очень близко к моему идеалу.

Я ни разу не слышал, чтобы папа выражал недовольство по поводу суеверий, которые в нашей семье цвели пышным цветом. Разговоров о сверхъестественном папа избегал – просто вежливо отмалчивался, – а ко всему, чего нельзя было объяснить рационально, был слеп и глух. Однако человеческая природа вокруг него брала свое – чем необъяснимее и иррациональнее был тот или иной случай, тем страстнее мои родичи им увлекались. Особым интересом у нас, легковерных (я долго принадлежал к лагерю обожателей сверхъестественного), пользовался мой дядюшка Тилак, на пять лет моложе отца.

В четыре года у Тилака появились яркие воспоминания о прошлой жизни. Он подробнейшим образом описывал все мелочи – и где он жил, и как звали его родственников. Подобное в Индии не редкость. Более того, несколько десятилетий спустя, в 1989 году, исследователи из Университета штата Виргиния во главе с доктором Иеном Стивенсоном обнаружат, что подобные случаи не редкость и во всем остальном мире. Есть документальные свидетельства, что сотни детей, обычно от двух до восьми лет, подробно вспоминали свою прошлую жизнь. Родные моего отца с самого начала считали, что Тилак – необычный ребенок, и решили разобраться, верны его воспоминания или нет. Разумеется, для этого требовалась консультация астролога.

В каждом квартале был свой астролог, к услугам которого прибегали, когда надо было подобрать девушке благоприятный день для свадьбы или предсказать, не придется ли юноше поехать за границу (в традиционном индийском обществе это была настоящая катастрофа). Однако существовала и особая разновидность астрологов, специализировавшихся на прошлой жизни – так называемые чтецы-бхаргавы. Тут коготок увяз – всей птичке пропасть, потому что мир бхаргавов – это мир чистых чудес. Когда обращаешься к чтецу-бхаргаву, он не сам составляет тебе гороскоп, а находит готовый, уже составленный для тебя много веков, а то и тысячелетий тому назад. В сущности, какой-то астролог, живший во времена Шекспира или даже Иисуса Христа, вероятно, знал, что в такой-то день и час ты обратишься к такому-то чтецу-бхаргаву и, чтобы показать свою абсолютную власть над временем и судьбой, составил гороскоп с ответами на те самые вопросы, с которыми ты придешь.

История зарождения этого искусства заставляет нас окунуться в эпоху легенд. Когда бог Брахма создал мир, то породил – из разума, а не из тела – семерых сыновей. Мир был зачат в мудрости, и первые риши, то есть ясновидящие, призваны были руководить новорожденным человечеством. И вот однажды мудрейших из первых людей собрали на пышный религиозный праздник. Вскоре у них завязался спор, кого из трех богов – Брахму, Вишну или Шиву – следует почитать как верховного. Чтобы уладить спор, риши по имени Бхригу отправился узнать истину у самих богов.

Первым он пришел в покои Брахмы, своего отца. Но когда он задал свой вопрос, Брахма лишь раздраженно отмахнулся: «Я занят – творю мир. Мне некогда с тобой разговаривать».

Тогда Бхригу пришел в обиталище Шивы, который обошелся с ним еще грубее и обиднее: «Я занят – уничтожаю все сущее с той же скоростью, с какой его создают, – заявил он. – Мне некогда с тобой разговаривать».

В третьих покоях, принадлежащих богу Вишну, Бхригу застал бога спящим на боку, а у ног его пристроилась его супруга Лакшми. Бхригу не сдержался и пнул Вишну в грудь, чтобы разбудить. Пинок был мощный: на изображениях Вишну до сих пор виден его след. Вишну сел, потирая грудь.

– Милый Бхригу, не ушиб ли ты ногу, когда пнул меня? – спросил бог. – У меня-то хватит сил залечить любую рану, но ты не таков.

Поскольку Вишну принял Бхригу приветливо и с состраданием, а не надменно, риши тут же сделал вывод, что Вишну, бог, поддерживающий мироздание, куда могущественнее богов, которые создают и уничтожают его. И хотел уйти, но тут на него напустилась Лакшми: ее возмутило, что кто-то сделал больно ее супругу. И тут же наложила на Бхригу проклятье: отныне он забудет все свои бессмертные познания. Но Бхригу был малый не промах и тоже проклял ее в ответ:

– Ты, Лакшми, богиня процветания, однако с этого дня тебе не удастся сохранить верность ни одному человеку!

Вот почему не может быть, чтобы человеку всю жизнь сопутствовала удача.

Однако на этом легенда не кончается: дальше объясняется, откуда у астрологов взялась способность предсказывать будущее. Вернувшись домой, Бхригу, утративший все свои познания, впал в отчаяние. Тогда его преданный сын Шукра разработал секретный план. Пока отец пребывал в глубоком самадхи – состоянии медитации, позволяющем достичь полной осознанности, – Шукра шептал ему на ухо имя кого-нибудь из своих друзей. И Бхригу тут же видел и открывал весь круговорот рождений и смертей этого человека, а Шукра тайно его записывал. Мало-помалу сын заполучил гороскопы всех своих друзей, а они в результате обрели глубокое знание и стали первыми астрологами рода Бхригу – их и стали называть бхаргавами. Так что способности предсказывать биографию человека из далекого будущего бхаргавы черпают из божественного источника. Кстати, большинство индийцев куда лучше знают сына Шукра, чем отца Бхригу. Его имя означает «яркий свет», и в Индии так называют планету Венеру.

Так вот, отцовской родне необходимо было при помощи этого божественного источника выяснить, насколько верно Тилак помнит свою прошлую жизнь. Они отправились в святилище Бхригу в Хошиарпуре – далеко-далеко, на северо-восточной оконечности Пенджаба, где хранятся гороскопы. Там чтецы подтвердили, что мальчик говорит правду: в его гороскопе указана та самая деревня, которую он видел, и те же имена родственников. Однако в гороскопе были и довольно-таки неприятные пророчества. Там говорилось, что Тилак так и не сможет выбрать, кем быть, мужчиной или женщиной. Он женится, но детей у него не будет, а умрет рано, в пятьдесят с небольшим.

Все это происходило, когда отцу было лет восемь-девять, так что поездка к чтецам-бхаргавам запомнилась ему лишь смутно. Однако я в детстве считал Тилака самым странным из своих дядюшек. Фигура у него была женственная, с широкими бедрами, и ходил он покачиваясь, а под рубашкой отчетливо просматривались груди. Он и впрямь не оставил наследников, хотя и женился, а кончилось все тем, что, к вящему горю папиных родных, Тилак скоропостижно скончался от неизвестных причин. Было ему лет пятьдесят пять.

* * *

Я сомневался, стоит ли мне идти в медицину, и едва не отказался от этой мысли. У отца в молодости был такой же кризис. Он из консервативной религиозной семьи. С ранних лет, как и многие индийцы, он привык, чтобы за него все решали родители. Иногда решения были очень простые. Например, в кино отцу позволяли ходить, только если фильм был на религиозную тему. Однако и право принимать важные решения у него отняли. Задачу определять его биографию взяла на себя моя бабушка. А она не стала опровергать его сомнений и сказала:

– Я согласна. Учиться очень долго. Да тебе, наверное, и не хочется столько трудиться.

Подозреваю, это была хитрая уловка, призванная пробудить в молодом человеке дух противоречия, он же – фамильная черта семейства Чопра, где никто не любит делать, что ему велят; так или иначе, прием сработал. Мой дед участвовал в Первой мировой войне, а потом получил пенсию, ушел на покой и поселился на участке земли неподалеку от города Равалпинди – потом это была столица Пакистана, пока рядом с Равалпинди не выстроили Исламабад. Ближайшим медицинским институтом был Медицинский колледж короля Эдварда в Лахоре. Отец получил там степень и кормил всю семью, пока младшие братья учились в колледже в Равалпинди.

Никто никогда не рассчитывал, что отец хоть сколько-нибудь заинтересуется аюрведой – классической индийской медициной, – хотя именно на аюрведическую медицину полагались больные по всей стране. Это и подводит нас к вопросу, очень неприятному для Индии, которая стремится преодолеть нищету и занять место у всемирного пиршественного стола. Требуется ли современная жизнь полного отказа от древних традиций? И вправду очень болезненный вопрос. В эпоху расцвета империи надменность и уверенность в себе, с которой держались англичане, совершенно выводили из себя колонизированные народы. Поскольку традиционную Индию удалось захватить без особых хлопот и она безо всякого сопротивления открыла свои двери Ост-Индской компании, можно было сделать вывод, будто судьба благоволит Западу. Так все и решили. Сам Господь осеняет захватчиков – а такое общество, как индийское, где все пропитано божественным, от этого, само собой, совершенно утратило почву под ногами.

Традиционную культуру искореняли исподволь и повсеместно. Самые почитаемые писания, вроде «Бхагавад-Гиты», впадали в забвение – и не среди простых людей и священнослужителей, а среди передовых образованных классов, подпавших под западное влияние. Индусы массово обращались в христианство: они шли в церковь, так как полагали, что раз христиане завоевали Индию, значит, Шакти – божественная сила – у Христа даже больше, чем у самой богини Шакти. В подобных церквях чопорные англиканские службы Викторианской эпохи причудливо переплетались с индуистскими песнопениями и обрядами.

К этому времени напора современности было уже не остановить. Образованные индийцы были не меньше колонизаторов убеждены, что традиция – синоним невежества и суеверия. На Западе до сих пор не вполне понимают, какое это было потрясение, когда Ганди, начинавший карьеру юристом в Южной Африке, сбросил толстый твидовый костюм и крахмальные воротнички и оделся в традиционные штаны-дхоти, которые носили простые люди. По иронии судьбы, когда сверстники Ганди выросли, то имели такое скудное представление о традиции, что даже «Гиту» читали в переводе на английский, а одной из основательниц Лиги самоуправления Индии, которая в конечном итоге и добилась освобождения страны, была англичанка по имени Анни Безант. Лишь когда иностранцы влюбились в Древнюю Индию, избранным индийцам было дано моральное право взглянуть в собственное прошлое.

А они преисполнились благоговения и с изумлением обнаружили, что им есть за что себя уважать. Однако философия Ганди предполагала, что надо полностью обернуть время вспять, что и символизировала ручная прялка, за которой Махатма сидел и пряд (теперь она красуется в центре национального флага) – а это был, конечно, безнадежный идеализм. Чтобы подняться на следующую ступень в жизни, надо было принять западную культуру – и в поколении моего отца не было принято оглядываться в прошлое при всем восхищении Ганди и свободой.

Кришан Чопра стал хорошим врачом, самоотверженным, щедрым. Он брал на себя ответственность за здоровье целой общины и не требовал никакой платы, помимо армейского довольствия. Все это, конечно, совсем не по-западному. Однако в аюрведе нет ничего научного, и в глазах Кришана деревенские знахари-вайды, раздающие доморощенные советы и народные снадобья, были не настоящие врачи. Вайды были реликты, выжившие лишь благо-

даря тому, что Индия измеряет перемены не десятилетиями, а эпохами, – реликты вроде доисторических крокодилов, которые лениво плавали в реке и по ночам призывали самок гулким ревом. Вот интересно, раздражало ли папу, что моя бабушка с материнской стороны верила в гомеопатию и промывала нам ссадины и порезы травяными настоями? Если и да, он терпел и молчал. Мои бабушки и дедушки с обеих сторон, когда заболели, обращались к кому попало – и к знахарям-вайдья, и к святым целителям.

Отец был так предан науке, которую представляли Флеминг и величайшие охотники на микробов, что мне и в голову не приходило, что и на это его толкал мятежный дух. Его отец, которого все звали Бау-джи, был вышколенным солдатом и дисциплинировал всех в семье. Бабушка родила ему четырнадцать детей, но выжили только восемь. Дед требовал, чтобы его чада ходили, говорили, ели и поступали в точности как он сам. Отцу, наверное, трудно было вынести такое давление. Однако при этом Бау-джи дал детям образование. Успеха в жизни, помимо моего папы, добились и два моих бомбейских дяди – один выдающийся журналист, другой кинорежиссер в Болливуде. (Младших братьев отца на хинди называют «чача», и один из моих дядюшек – Раттан-чача – впоследствии сыграл в моей жизни важнейшую после отца роль.)

На наше с Сандживом счастье, отец восстал и против слишком строгого воспитания. У нас был любящий отец с широкими взглядами, по складу характера неспособный поддерживать строгую дисциплину. Когда мне было лет восемь, мы с братом подрались с кем-то из двоюродных. Мама об этом узнала и потребовала объяснений. Мы, понурив головы, оправдывались: мол, наши братцы обзывались нехорошими словами.

– А дальше что? – спросила мама.

– Тогда мы тоже стали обзываться, – сказали мы.

Мама резко отвернулась и замолчала – это значило, что ничего хорошего нам ждать не приходится. Она рассказала про драку папе за ужином, но папа не рассердился.

– Это я виноват, – печально заметил он. – Плохо вас воспитывал. – Отложил вилку и вытер губы салфеткой. – Не буду сегодня ужинать. Попощусь в одиночестве за свои ошибки.

Отец всю жизнь был искренним до наивности, так что я уверен, что это была не хитрость и не манипуляция. Однако воздействие этого психологического приема оказалось сокрушительным. Папа встал из-за стола, как мы с Сандживом ни умоляли его остаться. Он нас не слушал и попросил маму убрать его тарелку. Я очень рано узнал, как это горько – подвести свое домашнее божество, особенно когда оно такое доброе.

* * *

Границы между мирами, где мы живем, созданы искусственно. Мы живем за ментальными стенами, поскольку убеждены, будто мы так хотим или нам так полагается. Простое доказательство тому – никому никогда не удавалось оторваться от Индии. Уйти от нее – все равно что малышу играть на улице без бдительного присмотра матери, сидящей у окна наверху. За мной, похоже, присматривал Бхригу. Несколько лет назад я сидел в своей клинике в Лахойе, и мне вдруг захотелось проделать ритуал, к которому приучила меня мама. Она открывала наугад «Бхагавад-Гиту», тыкала пальцем в первую попавшуюся строчку, а потом размышляла над ней. (По-моему, христиане иногда поступают так же с Библией – и, подобно маме, тоже, наверное, пытаются толковать божественную мудрость, обращенную к ним лично.)

Мне попала знаменитая строчка из десятой книги, где Кришна рассказывает воину Арджуне о своих сверхчеловеческих качествах («Из очистителей Я – ветер, из носящих оружие Я – Рама, из рыб Я – акула, из рек Я – Ганга»), а именно – «Из великих мудрецов Я – Бхригу». В этот миг зазвонил телефон. Это был мой друг профессор Арвинд Шарма, он звонил из Канады. К нему из Индии приехал знаменитый исследователь астрологии бхаргавов,

который был к тому же пандит, брамин, поддерживающий традицию бхаргавов. Арвинд тут же вспомнил обо мне. Может быть, мне интересно узнать, что написано в моем свитке? По спине у меня побежали мурашки. Однако, к сожалению, плотное рабочее расписание не позволило мне встретиться с пандитом лично. Пандит посоветовал мне читать особые мантры, а потом я получил по почте крошечную статуэтку Бхригу. Я честно попытался читать мантры, однако через неделю-другую вернулся к своим привычным техникам медитации и начисто позабыл об этом случае.

Через некоторое время я приехал к родителям в Дели и упомянул в разговоре странную историю моего дяди Тилака-чача. Отец почему-то сделал вид, будто помнит брата лишь смутно. Еще кто-то сказал, что мне надо обязательно обратиться к астрологу-бхаргаву, раз уж не получилось встретиться с тем пандитом. Я засомневался. Бесчисленное множество индийцев регулярно обращаются к астрологам, но у нас в семье подобное было не принято, и вообще все это интересовало меня куда меньше, чем родителей. Однако почему вокруг меня все время упоминается Бхригу? Вдруг он хочет что-то мне сказать? Ответ на этот вопрос проще всего было узнать в том же Хошиарпуре. Ехать туда на машине было далековато, однако один из братьев моего отца был адмирал индийского флота в отставке. Он запросил военный вертолет – и вот уже через несколько часов мы, как по волшебству, спустились с небес в Хошиарпуре, куда много лет назад совершили паломничество мои родственники. Местные жители никогда не видели летательных аппаратов и глядели на нас, разинув рты.

Мы прибыли в святилище, нас встретили высокопоставленные жрецы, которые каким-то образом прослышали о нашем появлении. Старейшина обратился к нам с краткой речью. Нам задали несколько вопросов – сначала мне, потом отцу, которому к тому времени уже исполнилось восемьдесят. Он отвечал гораздо пространнее меня, но вскоре мы оказались у самой двери святилища, где нас окружила еще одна группа жрецов и потребовала, чтобы мы произнесли подходящие случаю молитвы и совершили жертвоприношения.

Пилот вертолета тронул меня за локоть.

– Вам туда нельзя.

– Почему?

Выяснилось, что он не имеет права летать по ночам, а поскольку уже вечерело, мы улетели – с превеликим сожалением. Добравшись до телефона, я позвонил пандиту, с которым меня познакомил Арвинд Шарма. Тот молча выслушал мой рассказ о неудачном путешествии.

– Неважно, – сказал он наконец. – Вы все равно не читали мантры. В вашем свитке сказано, что вы не станете их читать.

Когда какой-нибудь цикл близится к завершению, мы зачастую не обращаем на это внимания. Я думал, что отношения с Бхригу у меня закончились, но на самом деле нет. Когда я сидел один в своем кабинете, меня вдруг осенило. Я схватил телефон и позвонил отцу.

– Тилак! – взволнованно воскликнул я. – У него, наверное, был синдром Клайнфельтера!

С медицинской точки зрения все совпадало: женоподобное сложение, сочетание женской груди и мужских половых органов. Синдром Клайнфельтера – генетическая диковина, результат того, что у ребенка мужского пола появляется лишняя X-хромосома. Обычно у девочек две X-хромосомы, а у мальчиков – одна X-хромосома и одна Y-хромосома. Однако Тилак – такое, вероятно, случается с одним эмбрионом из тысячи – родился с набором XXУ. Иногда у мужчин с симптомом Клайнфельтера не проявляется почти никаких симптомов, однако у Тилака были налицо все – в том числе и сниженная фертильность, и безвременная смерть.

Помолчав, отец согласился:

– Да, все сходится.

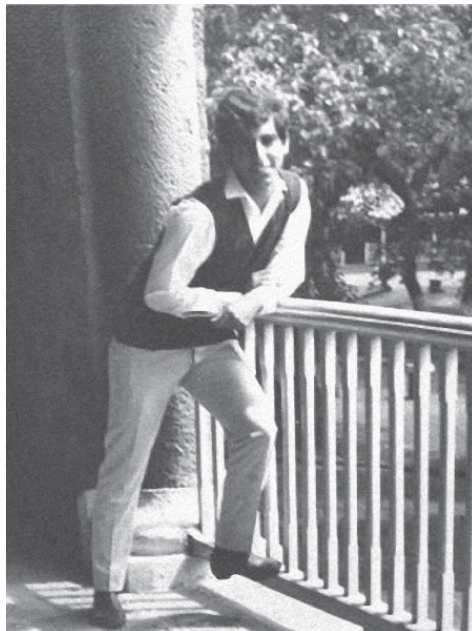
Видимо, разговаривать о своем несчастном брате ему не хотелось, но я настаивал. Как он считает, правда ли, что Тилак помнил свою прошлую жизнь?

– Не люблю говорить о том, чего не могу объяснить, – буркнул отец.

Мы сменили тему, однако оба слышали тихий шелчок – два мира нашли дорогу друг к другу. Наука и мистицизм, Бхригу и синдром Клайнфельтера. Каждому из них было бы куда удобнее претендовать на то, что реальность только одна. Однако Индия держит и то, и другое в крепких объятиях, как бы они ни вырывались, и я мало-помалу достиг уровня, когда и сам могу вместить и то, и другое.

6. Рам и Лакшман Санджив

Мама часто рассказывала нам с Дипаком легенду о Раме и его младшем брате Лакшмане. Мы с Дипаком примеряли их отношения на свои – именно так, как нас приучали думать. В индийской традиции Лакшману весьма почитают за преданность старшему брату – даже в ущерб собственному счастью. В большинстве легенд Лакшмана нарисован куда более эмоциональным, чем его старший брат, однако когда ракшасы похищают жену Рамы Ситу, Рама приходит в такую неистовую ярость, что едва не приводит в действие оружие, способное опустошить весь мир. Лакшмана его отговаривает – и в нем впервые говорит разум, а не чувства.

В детстве Дипак, несомненно, был ответственнее меня, хотя временами пользовался тем, что он главный. Мы с Дипаком играли с нашими лучшими друзьями, Амму и ее старшим братом Прасаном. Мы были так близки, что каждый год отмечали Ракхибандхан – праздник, когда сестры повязывают братьям на руки нитяные браслеты в знак близости и молятся за их здоровье. Амму повязывала ритуальный браслет не только Прасану, но и нам с Дипаком. Так что когда Дипак приказывал нам с Амму и Прасаном сто раз пробежать туда-сюда, а сам засекал время, мы так и поступали – причем нам было приятно ему подчиняться. Если он велел забраться на дерево во дворе, мы забирались, – а когда он приказывал оттуда спрыгнуть, прыгали. Счастье, что никто не покалечился.

Мы доверяли друг другу. У Дипака хватало веры в мои способности, и однажды, когда я палил из духового ружья в консервную банку на шесте, он встал к шесту и велел мне продолжать.

Я опустил ружье. Стрелял я метко, но не идеально, и искушать судьбу не собирался. Но Дипак заставил меня – рассказал про Вильгельма Телля и его сына. Это поставило передо мной головоломную задачу: выстрелить, рискуя серьезно поранить старшего брата, или послушаться его?

Я выстрелил и попал ему в подбородок.

И хотел бежать домой и звать на помощь, но Дипак, у которого из рассеченного подбородка хлестала кровь, приказал мне стоять на месте. И мгновенно сочинил историю про то, как

напоролся на колючую проволоку: он решил соврать, чтобы избежать нагоняя от родителей. Мне это было непросто, но ведь нам всегда твердили, что он Рама, а я – Лакшмана. И я доказал свою преданность, подтвердив его ложь.

Прошло дня два, и подбородок у Дипака распух. Бабушка это заметила и указала за обедом отцу.

– Ты великолепный врач, но, кажется, неверно поставил диагноз собственному сыну, – сказала она. – Похоже, у него в подбородке застрял обломок колючей проволоки. Своди его завтра на рентген, проверь.

Наутро Дипак отправился в больницу с отцом. А я нервно расхаживал по веранде – ждал, когда вернутся папа с братом. И каждые несколько минут бегал в дом, к маме.

– Не звонили из больницы?

Мама глядела на меня с подозрением.

– Что-то ты разволновался.

Тут зазвонил телефон, и отец сказал маме, что рентген обнаружил у Дипака в подбородке пулю от духового ружья. Пригласили хирурга, чтобы ее извлечь. А нам велели сказать правду, пообещав, что за это нас не накажут.

С годами у Дипака на подбородке появилась ямочка. По-моему, она придает ему вид достойный и благородный – однако стоит мне увидеть брата, и я невольно вспоминаю тот случай.

Мы с Дипаком были очень близки, но при этом отчаянно соперничали. Конечно, в настоящую вражду это не перерастало, но мы постоянно пытались поддеть друг дружку. Ревниво следили, кто быстрее проплывает сто гребков, кто чаще выигрывает в пинг-понг и в шахматы, кто кого обгонит на роликах, кто знает больше ученых слов. Я мечтал всегда и во всем опережать Дипака; он хотел обойти меня. Я был его младший брат, но ни разу не припомню, чтобы он мне поддался. Наверное, мы понимали, что соперничество на пределе способностей укрепляет характер лучше, чем когда тебе позволяют победить. И когда речь заходила о спорте, я частенько выигрывал, несмотря на разницу в возрасте.

Впоследствии Дипак поквитался со мной за тот выстрел. Как-то раз мы сражались на деревянных мечах, и Дипак случайно ударил меня в нос. У меня остался легкий шрам – не такой заметный и не такой благородный, как ямочка на подбородке у Дипака.

Наши родные твердо верили и в Дипака, и в меня, и нам не всегда удавалось оправдать их ожидания. Нас окружали люди состоявшиеся: отец – признанный врач, дядюшка – герой-адмирал, другой дядюшка – знаменитый и уважаемый журналист и так далее. Нам постоянно твердили, что какие бы цели мы себе ни поставили, достичь их в наших силах. В результате мы с Дипаком никогда не пасовали перед трудными задачами, насколько мне помнится. У Дипака задачи были в основном связаны с учебой, у меня – с физическими достижениями. Мальчишки обожают драться, и индийские мальчишки не исключение. Например, когда мы учились в школе в Джабалпуре, всем нам приходилось иметь дело с задирой-одноклассником, которого так и прозвали – Хулиган Роджер.

На большой перемене мы часто играли в стеклянные шарики. Игроки выкладывали в круг определенное количество шариков, а потом по очереди старались выбить как можно больше шариков за круг шариком-бойком, который был чуть больше остальных.

Как-то раз кто-то из мальчишек принес в школу очень красивые китайские бойки. Мы договорились меняться – три обычных шарика за один особенный китайский. Я играл хорошо и в тот день меньше чем за двадцать минут сорвал весь банк: впечатляющий успех. Я был очень горд собой, но тут за спиной у меня раздался голос Хулигана Роджера:

– Отдавай половину.

Подобных моментов страшится любой ребенок в любом уголке земли: хулиган требует делиться. Роджера в школе боялись все, даже Дипак. Но я повернулся и взглянул ему в глаза.

– Не отдам я тебе никаких шариков! – выпалил я. – Они мои! С какой стати мне их тебе давать?

Признаться, будь это обычные шарики, я бы, наверное, отдал их Роджеру, просто чтобы не связываться. Роджер был на год старше и по меньшей мере на три дюйма выше. Но очень уж хороши были те китайские бойки. Я их честно выторговал, честно выиграл матч и хотел оставить трофеи себе.

Едва услышав мои слова, Роджер встал в боксерскую стойку, будто собирался мне вре-зать. Ну, а я взял и свалил его ударом на пол. Даже не успел ни о чем подумать – стукнул его прямо в челюсть и повалил.

И тут большой мальчишка посмотрел на меня с ужасом. А потом, к изумлению всех в школьном дворе, Хулиган Роджер разревелся.

Этот случай положил конец его хулиганствам, а меня сделал своего рода школьным героем. Как ни странно, мы с Роджером потом подружились.

Нас с Дипаком с ранних лет приучали стоять за себя. Родители всегда спрашивали нашего мнения обо всем, что влияло на жизнь семьи, и очень серьезно относились к ответам. Они учили нас отстаивать свою точку зрения – и, похоже, этот урок мы с Дипаком усвоили. Как-то раз, когда мне не было еще и пяти лет и я учился в первом классе, отец взял меня с собой на рынок купить ящик кока-колы. В то время у меня была скверная привычка сосать палец; чего только ни перепробовали родители, чтобы меня отучить, но безуспешно. Когда мы сворачивали за угол, то увидели на обочине машину со спущенным колесом.

– Знаешь, почему у этой машины спустило колесо? – спросил отец.

– Нет.

– Потому что мой сын сосет палец.

Я вынул палец изо рта и вытаращился на него. По дороге я обдумал его слова и, надо сказать, все же понял, что он мне хотел втолковать.

Для своих четырех лет я был смышленным мальчиком, легко и быстро все схватывал, а у папы была привычка, которая мне не нравилась: вот уже более двадцати лет он выкуривал по две пачки сигарет в день.

Мы поехали дальше и вдруг увидели огромный грузовик, лежавший на боку. Рядом уже хлопотали врачи и полицейские. Пока мы ехали мимо, я глядел на место происшествия, зали-тое вспышками мигалок на «скорой помощи».

– Видел этот грузовик, папа? – спросил я. – А знаешь, почему он опрокинулся?

Отец с улыбкой спросил, почему.

– Потому что мой отец много курит!

Прошли годы, и на мою долю тоже выпало сомнительное удовольствие наблюдать, как твой ребенок обращает то, чему ты его учишь, против тебя. В данном случае отец подумал несколько секунд, а потом опустил окно нашего синего «хиллмана» и выбросил сигарету. Я самодовольно улыбнулся. Но отец на этом не остановился. Достал зажигалку «ронсон», кото-рую подарил ему один английский офицер. Поглядел на меня и тоже выбросил ее в окно. Про-шло две недели, и он бросил курить и больше никогда не курил. Но и я, само собой, отучился сосать палец.

В своей книге «Твоя жизнь в твоих руках» отец писал, что «обязанность родителей – поддерживать теплые, дружеские отношения со своими детьми и прививать им разнообразные интересы». Моим родителям это отлично удавалось, и мы с Дипаком за это искренне ими вос-хищаемся. В каждом из нас сочетаются разные черты их характеров, их основные ценности и принципы, которые мы, в свою очередь, постарались передать собственным детям.

Поскольку мы росли в Индии и были сыновьями уважаемого врача, у нас было много привилегий. Как-то раз папа вылечил одного вельможу, и нас пригласили погостить у него во дворце.

Мы с Дипаком проснулись рано и вышли на балкон дворца. Я поглядел вниз, во внутренний двор, и не поверил своим глазам. И даже протер их – буквально – чтобы убедиться, что это не сон. Внизу гуляло великолепное животное – я таких никогда и не видел: это был прекрасный белоснежный тигр. Потом оказалось, что это был первый тигр альбинос, которого удалось поймать живьем и содержать в неволе. Звали его Мохан. Принц изловил его еще детенышем, приручил и вырастил.

Такова была Индия нашего детства: нищие под стенами, защищающими богатых, крики торговцев, расхваливающих свой товар, а под балконом дворца – мирно сидящий на идеально подстриженной лужайке белый тигр. Но главное, что поняли тогда мы с Дипаком, – что нам очень много дано и что наша дхарма – понимать это и вести себя ответственно, уважать других и при любой возможности приносить пользу.

В сущности, этой дорогой мы с ним и пошли.

7. Laus Deo

Дипак

Мне нельзя подводить Христа. Надо его любить. Все говорят, он меня любит. Что он сделает, если я не отвечу на его любовь?

Когда я был подростком, подобные мысли не давали мне покоя. В подобном возрасте богоискательство – обычное дело. Однако об Иисусе Христе в Индии думают нечасто. Но мой случай был особый. Учителя в школе – католические миссионеры – глаз с нас не спускали, постоянно, хоть и ненавязчиво, судили и оценивали, и мы постоянно ощущали, что от нас словно бы чего-то ждут. И проявлялось это как-то странно. Священник-ирландец, которого я считал своим другом, который играл с мальчишками в крикет, ни с того ни с сего отводил меня в сторонку. Клад мне руку на плечо и ободряюще улыбался.

– Не волнуйся, малыш, все в порядке. Просто ты нужен нам – и нужен Христу. Ты сделаешь это, если я попрошу?

Каждый местный мальчик, которого принимали в эту школу, знал, что рано или поздно его начнут обращать в христианство. Я старался до поры до времени об этом не думать. В отличие от истово верующих мамы с бабушкой, я был вовсе не уверен, что знаю, какому богу молиться. Благодаря своему Христу англичане далеко пошли. А Шива в это время сидел сложа руки!

Католическая частная школа в пятидесятые годы была учебным заведением для элиты; и если в тропиках и крикетная форма была аномалией, что можно сказать о гольфах, зеленом блейзере и школьном галстук? Где бы мы тогда ни жили, я каждое утро надевал форму, прежде чем шел на автобус в 6.30, чтобы ехать на другой конец Дели, или поднимался в гору мимо чайных плантаций в Шиллонге, или целовал маму на прощание в Джабалпуре. Дома о религиозной стороне дела никогда не заговаривали. Отцу было надо только одного: дать своим сыновьям самое лучшее образование. Он и сам был отлично образован, однако обязан этим лорду Маунтбаттену, который лично открыл перед ним все двери по долгу чести. Судьба была к отцу на редкость благосклонна. И рисковать нашим будущим он не собирался. Все знали, что лучшее образование дают иезуитские школы под управлением братьев-христиан, вот папа и записывал нас в эти школы каждый раз, когда получал очередное назначение и мы переезжали:

Св. Алоизий, Св. Эдмунд, Св. Колумба. Это были не просто имена святых. Это были билеты в купе первого класса в экспрессе, катившем в будущее.

За всю свою жизнь мне лишь дважды довелось переживать сокрушительное унижение. Второе произошло много лет спустя уже в медицинском институте. А первое – в Шиллонге, одном из очаровательных горных поселений в штате Ассам. Пейзажи там были зеленые, а климат прохладный – в самый раз, чтобы какая-нибудь супруга младшего чина пролила слезу по Шропширу и Кенту. Городок был расположен в пяти тысячах футов над уровнем моря, и холмы и расщелины вокруг показывали, что к северу уже начинаются предгорья Гималаев. Каждое утро я ходил пешком в школу на горе – это была школа Св. Эдмунда, а кругом, докуда хватало глаз, расстилались душистым ковром мягких листьев чайные плантации. Единственной ложкой дегтя в этой бочке меда было то, что дисциплина в школе Св. Эдмунда была куда строже, чем в моей предыдущей школе, в Джабалпуре. Директор ежемесячно проводил официальную церемонию, на которой мальчиков выстраивали по ранжиру сообразно успехам и заслугам. Самой высшей наградой, которую мог получить ученик, была золотая карточка: она доставалась одному-двум мальчикам, не больше. Если ты получал золотую карточку, директор приветливо пожимал тебе руку и приглашал на чашку чая и в кино. За голубую карточку он жал руку и по-дружески обнимал. Розовую карточку вручали с безразличным видом. Если же ты падал так низко, что зарабатывал всего лишь желтую карточку, директор с омерзением отводил взор и швырял ее тебе. Это был сокрушительно действенный способ воспитания школьников, и лично я не мог вынести даже мысли, что получу что-то хуже голубой или золотой карточки. И трудился ради них до седьмого пота, однако после первого месяца с замиранием сердца смотрел, как всех остальных мальчиков удостоивают директорского рукопожатия – а мне досталась желтая карточка и взгляд, полный презрения.

Взрослому человеку с высоты своих лет горько вспоминать, как в одиннадцать лет он не смог сдержать слез. Но в тот момент кажется, что рушится весь мир. Я думал, что унижение останется со мной на всю жизнь – и дело не в том, что я ошибался. Одна мысль о том, что я запятнан унижением навеки, выжгла на мне глубокий шрам. Оставшись один в своей комнате, я предался мелодраме. По пути на Голгофу Христос споткнулся – вот и я тоже. До сих пор за мной стелился шлейф славы. Я дышал чужим одобрением – и, разумеется, никак не мог понять, что слава моя отравлена тщеславием, алчностью и страхом. В сущности, они в ходу в любой школе – если задуматься о темной стороне.

Быть может, темная сторона жизни и присутствует во всем, однако на всех она влияет по-разному. Можно винить ее – мол, она погубила твое будущее, – а можно испытывать своего рода благодарность пополам со злостью за преподанный урок или за то, что избежал куда более страшных опасностей. Уверен, что кое-кто из моих одноклассников с искренним возмущением вспоминает теперь, с каким напором в нас внедряли западно-христианские ценности. Прошло много лет, и когда я читал эссе Джорджа Оруэлла, мне попала там одна мрачная мысль. Оруэлл пишет, что худшая реклама христианства – его адепты. Когда я учился в школе, все было не так. Лично мне, к счастью, не довелось стать жертвой дурного обращения, которое было тогда в ходу среди злобных священников, а практика телесных наказаний, принесенная миссионерами из Ирландии, к тому времени уже подверглась справедливому осуждению.

Правда, среди наших одноклассников были и очень набожные – их называли семинаристами. В возрасте двенадцати лет они начинали готовиться в священники и жили в семинарии, однако в школу ходили вместе со всеми нами. Многие из них происходили из христианских семей, поскольку прибыли из Гоа, и у них были португальские фамилии вроде Да Сильва или Да Суза. Подобная набожность меня озадачивала, и я спросил одного мальчика, почему он хочет стать священником. Он вытаращил глаза:

– Тебя самолетом везут в Рим, и Папа посвящает тебя в сан. Сам Папа!

Так что, дело в путешествии?! Я вот, например, мечтал полететь в Лондон и увидеть дом на Бейкер-стрит, где жил Шерлок Холмс. Значит, семинаристы мечтали масштабнее, и я преисполнился к ним уважения.

В нашей школе иногда попадались и новообращенные католики – выходцы из бедных семей, получавшие стипендию. Мальчики-католики каждый день ходили на урок катехизиса. А мы, все прочие разношерстные язычники, могли выбирать – или тоже идти на катехизис, или пойти на урок под названием «наука морали».

Мне до сих пор непонятно, как, собственно, задумывалась «наука морали». Больше всего эти уроки были похожи на логику морали. Целью их было систематическое доказательство истинности христианской этики. Если бы мы поняли эту логику, у нас не осталось бы сомнений, что учение Христа универсально и неопровержимо. А меня и так уже заморозила история Страстей в Новом Завете – в ней было столько боли и поэзии, что никакой логики уже не требовалось. Христа я любил прежде всего как героя приключенческой книги. В самом деле, разве можно представить себе приключения увлекательнее, чем бороться с дьяволом на стороне Бога, пока враги не распнут тебя на кресте?

На уроках науки морали много клеймили мастурбацию и гомосексуализм, однако и то, и другое описывалось очень робко, словно бы вскользь. После урока у нас оставалось ощущение, что нам рассказали о чем-то ужасном, но вот о чем именно, мы так и не сообразили. Воздействие подобных нотаций длилось недолго. А что осталось на всю жизнь? Твердая уверенность, что основа подлинной морали – это любовь. (Как-то мне попало остроумное определение закона: закон – набор правил, которые устанавливаются, когда умирает любовь.) У нас в семье все любили друг друга, а вот те, у кого дома было иначе, усваивали эти установки с трудом. Мне вспоминается дискуссия о существовании Бога, на которой я присутствовал спустя много лет. На одной стороне был ученый-атеист, который целый час бомбардировал концепцию Творца рациональными аргументами. Закончив, он сел под жидкие аплодисменты, и место за кафедрой занял его оппонент – уютный улыбчивый толстячок, католический священник.

– Почему я верю в Бога? – спросил он. – Потому что так учила меня мать, а я ей верил. Ему устроили овацию.

К школе Св. Колумбы примыкала школа для девочек при монастыре Марии и Иисуса. Как и наша школа, это была школа без пансиона, основанная в 1919 году французскими монахинями. Территории школ разделяла стена, и мы с приятелями, случалось, перелезали через нее. Нас влекло к девочкам, однако наука морали отзывалась о них крайне нелестно. Сейчас трудно поверить, что мальчики-подростки трепетали при одной мысли о том, что можно будет десять минут держать девочку за руку под бдительным взглядом дуэньи. Для нас с друзьями девочки были недостижимой мечтой. По правде говоря, мы их и не видели – за стеной нам удавалось полюбоваться разве что на увитую цветами нишу, где стояла статуя Девы Марии, перед которой молились монахини.

Мы были очень хорошие мальчики, нам было нечего стыдиться. Но и ладаном от нас не несло. На определенном этапе отрочества человек сам собой становится набожным – он полон сентиментальных мечтаний и наивного идеализма. Так принято называть это в обществе, не я это придумал. Наивным идеализм делает не то, что потом ты из него вырастаешь, а то, что никто не учит тебя, как его сохранить.

Грот Девы Марии в монастыре зачаровывал меня своим тихим благочестием. Однажды, когда я смотрел, как к нему подходят верующие и опускаются в молитве на колени, у меня возникло всепоглощающее чувство божественного присутствия. Статуя Девы Марии осенила меня благодатью безо всякой молитвы – я даже не то чтобы этого хотел. Тогда я впервые ощутил отзвук знаменитого понятия из сферы индийской духовности – «океан блаженства». Подобные переживания знакомы очень многим. Главное – понять, что делать, когда божественное присутствие покинет тебя. В шестнадцать лет этот вопрос меня не занимал. Просто воз-

никло такое чувство, будто меня накрыло волной любви Девы Марии. Воздух стал слаще, я чувствовал, что мне ничего не грозит, что меня любят. Поскольку любимый ребенок с рождения знаком с подобной атмосферой, в святых местах эти чувства становятся острее, но для него это не откровение. Вероятно, дело в том, что контраст не так резок. Я не отмахнулся от этого переживания, живо помнил его довольно долго, однако и неба в алмазах тоже не увидел.

Изредка в город заезжал мой дядюшка Сохан Лал. Он был коммивояжер и торговал снаряжением для хоккея на траве – эту западную игру в Индии освоили в совершенстве. Эту работу дядя выбрал, несомненно, из безумной любви к спорту. Но у Сохана Лала была и другая страсть – святые, об этом я уже упоминал: он постоянно выискивал малоизвестных садху, йогов и прочих праведников. Во время разъездов по стране он везде находил местного святого и усаживался у его ног. Иногда он слушал мудрые слова праведника, но обычно хотел только одного – получить даршан. Это благодать, которую получаешь, если просто посмотришь на святого (корень слова «даршан» – «видеть» или «вид»). Однако один раз благодать зашла куда дальше.

По дядиным рассказам, он посетил съезд праведников под названием «мела», где сотни тысяч зрителей собрались на берегах священной реки, чтобы повидать просветленных – так сказать, увидеться с Богом через посредников. На подобных собраниях нередки судьбоносные встречи, и именно это и произошло с Соханом Лалом. Он заприметил йога, который сидел в позе лотоса под балдахином.

– Я знаю, ты неустанно ищешь Бога, – сказал йог. – Скажи, каково твое заветное желание в данный момент.

– В данный момент? – растерялся Сохан Лал. – Хочу барфи.

Барфи – сладкая помадка, самое распространенное лакомство в северной Индии; купить ее можно за сущие гроши у уличных разносчиков. Йог поднял сжатую в кулак руку, разжал пальцы и вручил дяде кусочек свежей фисташковой барфи, которую, видимо, создал из ничего прямо на месте.

Каждый раз, когда Сохан Лал рассказывал об этом случае – а мы, дети, верили ему беспрекословно, – он печально качал головой.

– Я бы мог попросить просветления или хотя бы миллион рупий... Но что мне было делать? В тот момент мне хотелось только одного – барфи.

День, когда меня должны были обращать, все-таки настал. В школе Св. Колумбы было принято, чтобы старшие мальчики ходили в беднейшие кварталы Дели и раздавали там детям молоко. Мы разводили сухое молоко в воде и развозили его на большом грузовике. Дети встречали нас улыбками, мы с ними возились и играли. Словом, это было скорее развлечение, чем благотворительность.

В один прекрасный день отец Штейнмайер – такой же ирландец, как и все они, несмотря на немецкую фамилию, – спросил меня, что я читаю. Телевизора тогда не было, и чтение занимало почти все мое свободное время. Когда я ответил, что очень увлекся Вудхаузом, святой отец нахмурился.

– Это же для детей. Я думал, ты уже перерос подобную литературу.

Я понурился. Меня больно ранили даже мягкие упреки учителей. По стандартам учеников школы Св. Колумбы я имел право стыдиться подобного легкомыслия. Образование в Индии строилось в основном на зубрежке. В шестнадцать лет я знал наизусть целые сцены из Шекспира, не то что два-три монолога. Я учил длинные отрывки из Теннисона и других поэтов-романтиков. Отец Штейнмайер посмотрел на четверых мальчиков, которые в тот день сидели в молочном грузовике – это были парс, синдх, еще один индус и я.

– Вы никогда не задумывались о том, чтобы Христос стал вашим Господом и спасителем? – тихо спросил он.

Все мы пожали плечами и смущенно промямлили, что нет. Это была правда. Больше священник не сказал ничего. Он повернулся спиной к нищим бродяжкам, которые столпились вокруг нас, протягивая кружки за добавкой. Да, такой вялой речью едва ли можно было заполучить неофитов. В то, что иезуиты гнусные манипуляторы, я тогда не верил. Прошло несколько дней, и отец Штейнмайер вручил мне стопку книг, которые, по его словам, подходили взрослому юноше лучше, чем похождения Берти Вустера и его камердинера Дживса. Оказалось, что это католические романы – и если они и оставили у меня какое-то впечатление, я давно его позабыл.

Что и заставляет меня сделать неутешительный вывод. Даже если Господь разлит в воздухе, из этого не следует, что ты глубоко дышишь.

Тем не менее я привык восхищаться англичанами. Школа этого добилась. Я знал наизусть весь монолог Макбета – «Бесчисленные “завтра”, “завтра”, “завтр» крадутся мелким шагом, день за днем»¹ – задолго до того, как выучил хотя бы несколько строчек на санскрите – или хотя бы заподозрил, какова природа духовной усталости, которая убивала душу Макбета. Иезуиты упорно работали над тем, чтобы обращать язычников, однако учить они любили и умели: все мальчишки любят играть, но учиться мы хотели всерьез. При таких условиях даже сделка с дьяволом могла сойти за джентльменское соглашение. А мы очень старались стать настоящими джентльменами.

В 1962 году, когда я учился в последнем классе, мы с Сандживом жили у дяди и тети в Нью-Дели. Стоило нам вернуться домой и сбросить ненавистную форму, как мы мчались на улицу и растворялись в толпе. Там царило вавилонское столпотворение – настоящий водоворот языков и наречий, сочный говорок на смеси английского, хинди и пенджабского. Однако мы с братом говорили только по-английски, другое нам и в голову не приходило, хотя хинди мы знали не хуже, и это выделяло нас. Английский был языком джентльменов, а не наречием оккупантов.

Однако была и одна мощная сила, которая мешала нам стать благочестивыми, приличными людьми: мой дядя Раттан-чача, который взял нас с Сандживом к себе, когда мы учились в школе Св. Колумбы. Раттан-чача с детства хотел стать уважаемым журналистом, известным по всей стране, а поскольку он решил заняться киноведением, мне казалось, что он ведет несказанно богемную жизнь. Я еще никогда не видел, как живой человек расхаживает с сигаретой в одной руке и стаканом виски в другой.

Раттан-чача был человек весьма светский, а дух противоречия проявлялся в нем сильнее всех прочих в клане Чопра. И именно на эту черту он сделал ставку в карьере, и она приносила ему отменную прибыль. Раттан-чача стяжал себе славу социалиста и неверующего. Как он сам говорил: «У меня левые взгляды и правые вкусы». Прекрасный девиз для завзятого прожигателя жизни. (Прошли годы, и Раттан-чача стал бояться инфаркта и даже бросил курить, но от виски не отказался.)

Его любимой игрой было всех шокировать. Болтал он не умолкая – и меня это совершенно устраивало. Я хотел быть как он. (Когда я спросил свою жену Риту, какое первое впечатление сложилось у нее обо мне, она ненадолго задумалась, а потом ответила: «В жизни не встречала таких болтунов».) Раттан-чача был красавец, умел всех увлечь и принимался главенствовать с порога в любой компании – однако у него хватало благородства на то, чтобы с искренним интересом выслушивать мое мнение. Блестящие ораторы не могут жить без публики и быстро учатся кидать слушателям подачку и время от времени позволяют кому-нибудь другому поболтать с полминуты. Но стоило мне вступить с дядюшкой в спор, и он внимательно слушал меня, так что иногда это была даже не подачка.

¹ Пер. М. Лозинского.

Раттан-чача и его жена Карна – тетушка Карна, как мы ее звали – занимали в Нью-Дели квартиру на третьем этаже, где было две с половиной комнаты. В той комнате, которая сходилась за половину – в сущности, это была тесная каморка с окошком, выходившим в грязный дворик, где галдели соседки и сушилось белье, – и стояла наша с Сандживом общая кровать. Комнату мы обожали.

В то время отец служил в Кашмире, это было во время военного конфликта с Пакистаном. Отец лечил раненых пехотинцев, которых доставляли с линии фронта. Мама ездила туда-сюда, чтобы побыть и с ним, и с нами. В ее отсутствие нам доставался Лакшман Сингх, верный слуга, которого мама получила в приданое.

Дядина многоопытность меня совершенно завораживала. Как-то раз он повез нас в горный военный городок. Это был Далхаузи – красивый городок, но не такой престижный, как, например, Симла.

– А я знаю, почему его так называли, – съязвил Раттан-чача. – Он скучный (dull) и паршивый (lousy).

Однажды он повел нас с Сандживом в кино и увидел сиденье, на которое кто-то положил свитер. Раттан-чача перебрал свитер на другое сиденье и усадил нас. Тут к нам подошел какой-то человек.

– Я оставил здесь свитер, чтобы занять место! – возмутился он.

– А что, если бы вы бросили свитер на крышу Тадж-Махала, он тоже стал бы ваш? – пожал плечами Раттан-чача.

В дерзости и остроумии у дяди был достойный наставник – Фероз Ганди, выдающийся издатель, владелец нескольких газет в Лакхнау, занимавшийся также и политикой. Держался Фероз Ганди даже высокомернее, чем дядя Раттан, и еще сильнее провоцировал окружающих. Так что Неру, тогда еще не премьер-министр, был неприятно поражен и ошарашен, когда его дочь Индира заявила, что хочет замуж за Фероза, с которым познакомилась во время поездки в Лондон. Фероз был парс – член секты, основанной персидским пророком Заратустрой. А Неру были брамины из Кашмира (если вспомнить эту историю в среде консервативных кашмирских браминов, они и сейчас, спустя семьдесят лет, будут сокрушенно хмуриться при упоминании подобного мезальянса).

Несмотря на все возражения, в 1942 году состоялась свадьба. Беспорядочный образ жизни жениха в конце концов сказался на его здоровье, и за несколько дней до сорокавосьмилетия Фероз Ганди скончался от сердечного приступа. Оставшись вдовой, Индира решила заняться собственной политической карьерой и стала премьер-министром – впрочем, иначе и быть не могло: несколько избранных семейств, связанных с движением за независимость, в Индии окружены ореолом святости и контролировали национальную политику несколько десятков лет. Кстати, фамилию, которую взяла в замужестве Индира, связывают с Махатмой Ганди только на Западе. Фамилия Ганди – самая обычная и очень часто встречается у парсов.

Раттан-чача был не чужд культуре и искусству. Он пытался учить меня урду – этот язык он очень любил за поэтичность. Урду вполне мог быть для меня и родным языком, поскольку на нем говорят во всей северной Индии наравне с хинди. Урду – своего рода «лингва франка», общепонятный жаргон, который разносят повсюду торговцы. Той же цели в Африке, например, служит суахили. Но я мало старался, и запомнились мне в основном романтические стихи и легенды, которыми пытался поделиться со мной дядюшка.

Урду пришел в Индию вместе с исламом, когда тот распространялся по миру, зародившись на Аравийском полуострове. Подобно колючим семенам к верблюжьей шкуре, к урду по пути цеплялись словечки из Турции, Персии и других стран, где расхваливали свои товары мусульманские караваны. А в XVII веке, после нашествия Великих Моголов, урду укоренился в Дели, однако, по правде сказать, утверждать, что Моголы завоевали Индию – все равно что говорить, что кто-то покорил пуховую перину ударом кулака. Нельзя завоевать того, кто не

сопротивляется, а особенно – древний народ, впитавший в себя множество империй. В школе я учил стихотворение Шелли «Озимандия», которое начинается с описания низвергнутого кумира: «Чудовищным обломком старины Две каменных ноги стоят поныне. А около, в песке, ещё видны Чело и властный взгляд»²

² Пер. С. Колчигина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.